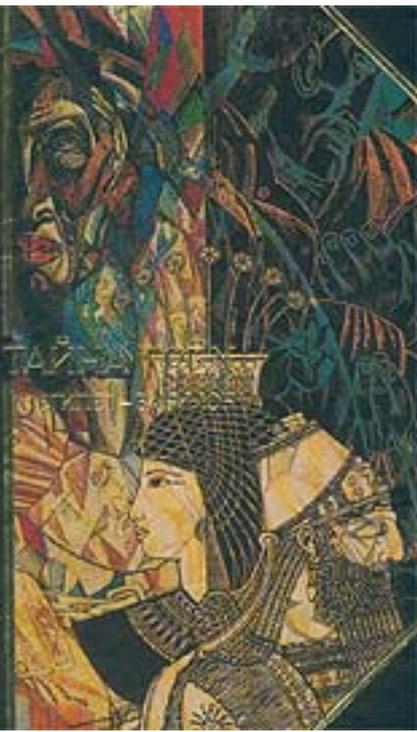

Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ

Дмитрий Сергеевич Мережковский
Тайна Трех. Египет и Вавилон
Серия «Тайна Трех», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175069

Аннотация

Мы живем в лучшем из миров. Это убеждение издавна утешает мыслящую часть человечества, которая время от времени задается вопросом, сколько таких миров было всего? И что послужило причиной их угасания? И, главное, каково место современной цивилизации в этой извечной цепи? Эта книга Дмитрия Мережковского была написана в эмиграции под впечатлением Апокалипсиса, который наступил на родине поэта в 17-м году XX столетия. Заглянув в глаза Зверю, Мережковский задался теми же вопросами и обратился за их разрешением к глубокой древности. Чтобы как следует разобраться в духовной жизни этих в буквальном смысле слова до-Потопных времен, он изучил гору древних текстов, многие из которых, видимо, никогда не будут переведены на русский язык. В результате получилась блестящая книга о современном человечестве, со всеми его достоинствами и слабостями, осененная неизбежной перспективой грядущего Страшного Суда. С выводами автора можно, конечно, не соглашаться, но лучше все-таки сначала прочитать эту книгу.

Содержание

Тайна Трех	7
Небывалое	7
I	7
II	7
III	7
IV	7
V	8
VI	8
VII	8
VIII	9
IX	9
X	9
XI	10
XII	10
XIII	10
XIV	11
XV	11
XVI	11
XVII	11
Солнце слепых	12
I	12
II	12
III	12
IV	13
V	13
VI	13
VII	13
VIII	14
IX	14
X	14
XI	14
XII	14
XIII	14
XIV	15
XV	15
XVI	15
XVII	15
XVIII	16
XIX	16
XX	16
XXI	16
XXII	17
XXIII	17
XXIV	17
XXV	17
XXVI	18

Божественный Трилистник	19
I	19
II	19
III	20
IV	20
V	20
VI	20
VII	21
VIII	21
IX	21
X	21
XI	22
XII	22
XIII	22
XIV	23
XV	23
XVI	23
XVII	24
XVIII	24
XIX	24
Один, два и три	25
I	25
II	25
III	25
IV	25
V	26
VI	26
VII	26
VIII	27
IX	27
X	27
XI	28
XII	28
XIII	29
XIV	29
XV	29
XVI	30
XVII	30
XVIII	30
XIX	30
XX	30
XXI	31
XXII	31
XXIII	31
XXIV	32
XXV	32
XXVI	32
XXVII	32
XXVIII	32

XXIX	33
XXX	33
Письмо в бутылке	34
I	34
II	34
III	34
IV	34
V	35
VI	35
VII	35
VIII	35
IX	35
X	36
XI	36
XII	36
XIII	36
XIV	37
XV	37
XVI	37
XVII	37
XVIII	37
Египет – Озирис	38
Бегство в Египет	38
I	38
II	38
III	38
IV	38
V	38
VI	38
VII	39
VIII	39
IX	39
X	39
XI	40
XII	40
XIII	40
XIV	40
XV	40
XVI	40
XVII	41
XVIII	41
XIX	41
XX	41
XXI	41
XXII	42
XXIII	42
XXIV	42
XXV	42
XXVI	42

XXVII	42
XXVIII	43
XXIX	43
XXX	43
XXXI	43
XXXII	44
XXXIII	44
XXXIV	44
XXXV	44
XXXVI	44
XXXVII	44
XXXVIII	44
XXXIX	45
XL	45
XLI	45
XLII	45
XLIII	46
XLIV	46
XLV	46
XLVI	46
XLVII	46
XLVIII	46
XLIX	46
L	47
LI	47
Небесная радость земли	48
I	48
II	48
III	48
IV	49
V	49
VI	49
VII	49
VIII	49
IX	50
X	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дмитрий Сергеевич Мережковский

Тайна Трех. Египет и Вавилон

Тайна Трех

Небывалое

I

Слава Пресвятой Троице! Слава
Отцу, Сыну и Духу! Слава
Божественному Трилистнику!

II

Попробуйте войти в современное приличное общество и перекреститься: в лучшем случае, вас примут за сумасшедшего, а в худшем – за шарлатана.

Я не шарлатан: то, что я сейчас делаю, для меня слишком невыгодно. Всякий пишущий хочет иметь читателей, потому что не добро быть человеку одному, и особенно в религии. Всякий пишущий любит книгу свою, как дитя свое, а в глазах почти всех моих читателей я уничтожаю книгу мою, как бы сжигаю, ставя на ней крест во имя Трех.

Но что же делать? Я не могу поступить иначе. Это малая жертва тому, что я больше всего люблю и во что больше всего верю.

Пусть же горит книга моя, дитя мое, как малая жертва Трем.

III

Я хорошо понимаю, что сейчас, под ногами того, кто говорит, как я говорю, земля проваливается, если только он не стоит на той Скале (Церкви), о которой сказано, что «врата адовы не одолеют Ее». Я не стою на Ней, или не всегда стою, иногда схожу; почему и зачем, об этом после, а сейчас скажу одно: для стоящих на Ней уже безразлично, что земля проваливается и мир погибает. «Царство Мое не от мира сего» – так именно поняты эти слова на Скале. Я их не так понимаю: для меня не безразлично, что мир погибает. Я знаю, что нет иной Скалы и что стоящие на Ней спасутся; но также знаю, что таким, как я, нельзя иначе спастись, как с погибающим миром.

IV

А все-таки зачем писать, когда читать некому?

Буду откровенен. Прежде всего я пишу для себя. Нет большей радости, чем радость познания, хотя бы одинокого. «Не добро быть человеку одному», но даже это недоброе побеждается этою радостью.

Радость познания есть радость силы, а сила измеряется движением по линии наибольшего сопротивления. Пусть я говорю не так, как надо, и не то, что надо; но я говорю не то, что все. Вообще христианство, со Скалы сходящее, и особенно невидимая часть христианского спектра – Троица, Тайна Трех – и есть сейчас линия наибольшего сопротивления.

А затем, я пишу для тех немногих, кто, может быть, меня прочтет. По слову Гераклита Темного: «Многие плохи, немногие хороши». И еще: «Один для меня десять тысяч, если он лучший». Может быть, мне простят, что я считаю моих немногих читателей лучшими и что они для меня дороже бесчисленных.

И, наконец, всякий пишущий имеет право надеяться, что пишет не только для современников. Ведь и плохая книга может оказаться историческим памятником, свидетельством о том, чем люди жили. Смею надеяться, что я жил моею книгою, и притом в обстоятельствах необыкновенных – в великом разрушении не только моей страны. Я очень бы хотел ошибиться, но мне все больше кажется, что не только наш русский, но и всемирный корабль тонет. А когда человек с тонущего корабля кидает в море бутылку с письмом, то надеется, что кто-нибудь найдет его и прочтет.

V

Каждое время считает себя единственным и отчасти право. В каждом времени есть то, чего никогда еще не бывало и никогда уже не будет. В чем же единственность нашего времени?

В столкновении великой религиозной истины с великою религиозною ложью. Сейчас ложь и истина схватились в такой смертельной схватке, как еще никогда. Мир дошел до какой-то крайней точки, до какого-то вершинного острия, *акмѐ*, и весь на нем колеблется, как на острие ножа.

VI

Для нашей религиозной истины у нас нет слов. Слово «социализм» неверное: ведь существо социализма – атеизм, отрицание религии. Вернее было бы назвать эту нашу бессловесную истину, или томление об истине, *социальною проблемою*, религиозною жаждою общественной правды. Мир томится ею смутно, глухо, немо, но так неутолимо, как еще никогда. Жажда пополяет его, как пожар сухую степь. Мир понял или почувал, что именно здесь, и только здесь, в проблеме *социальной*, в вопросе не об одном, а о всех, не о Личности, а об Обществе, заключается проблема проблем, узел узлов, тайна тайн. Может быть, Эдипа пожрет Сфинкс, но обойти его нельзя. Тут, в самом деле, новое, небывалое движение человеческого, и не только человеческого, Духа. Ведь потому-то мир и отверг религию вообще и христианство в частности, что решил окончательно, – верно или неверно, это другой вопрос – что для социальной жажды в христианстве нет воды.

VII

Для нашей религиозной лжи у нас есть слово: атеизм. Атеизм, отрицание религии с религиозною жаждою социальной правды – это противоречие не мое, а мира. Разве мы не видим, как социалистический атеизм становится новою верою? «Я верую, что Бога нет», – исповедует бесноватый Кириллов в «Бесах» Достоевского.

Это даже больше, чем противоречие, это – безумие. Жажду Бога человек утоляет безбожием: так умирающий от жажды вскрывает себе жилы и пьет свою кровь; но не утоляет, а разжигает жажду жгучая соленость крови.

VIII

Наш атеизм небывалый, единственный.

Атеизм личный всегда был и будет, как всегда была и будет личная религия. Одни люди верят в Бога, другие – нет. И те, кто молится: «помоги моему неверию», может быть, верят больше других. Чем же наш атеизм небывалый? А вот чем.

От Эпикура до Лукреция уже замкнут круг атеизма личного; дальше и мы не пошли; но мы идем дальше в атеизме общественном. Древние – только для себя и про себя безбожники; их атеизм – «частное дело», Privat-Sache, как лукаво выражаются социал-демократы, готовя торжество атеизма, как дела общего, социального. Вопреки всем религиозным отрицаниям, частным и личным, древнее общество, государство, Град, Polis, остается под знаком религии.

По Артемидору Родосскому, «нет народа без Бога» (II, 35). По Гезиоду и Геродоту, «нечестие», ἀσέβεια, есть крайнее зло, корень всех зол, личных и общественных; нечестивцы суть государственные преступники, разрушители Града. Филологически неверно, но психологически глубоко, производят римляне слово religio от relegare, «связывать». Религия есть, в самом деле, *связь*, по преимуществу то, что связывает, скрепляет людей в общество. Если вынуть из него эту скрепу, то оно распадается, из живого тела становится мертвою «массою». Недаром именно этим словом обозначает атеистический социализм человеческие множества: он говорит о них и поступает с ними, как с мертвыми физическими «массами».

Вот это-то древнее, изначальное, естественное отношение частного и общего в религии извращено, опрокинуто нами так, как еще никогда. Для древних религия есть общее дело, безбожие – частное, а для нас, наоборот, общее дело есть безбожие, а религия – частное.

Уже в эллинском и особенно в эллинистическом язычестве заложена основа будущей христианской всемирности, кафоличности. «Елевзинские таинства объединяют весь род человеческий, συνέχοντα τὸ ἀνθρώπειον γένος» (*Претекстат*, проконсул Эллады, – императору Валентиану I). А Интернационал хочет объединить человечество в новой атеистической всемирности. Древний Град – под знаком религии, наш – под знаком безбожия – принудительного (опыт русских коммунистов). «Я верую, что Бога нет» – и заставлю всех поверить, потому что верить или не верить я не хочу и не могу один, а могу и хочу только со всеми.

IX

В том-то и заключается трагедия современного человечества, что верить человек не может один. Вера моя без чужой гаснет, как пламя без воздуха: я должен зажечь других или сам погаснуть.

Христианство не прошло человечеству даром: оно оставило на нем неизгладимый след всемирности; современный человек всемирен – с Богом или против Бога; он выпадает из Церкви Вселенской в Интернационал.

Не здесь или там, а везде, во всем мире, происходит одно и то же: религиозная атмосфера так разрежена, что нечем дышать. Кто-то делает страшный опыт с человечеством: посадил его, как кролика, под стеклянный колпак и выкачал воздух.

X

В доисторической пещере Орилляка (Aurillac) найдены остатки похоронной тризны – между прочим, ледникового носорога-сосунка. Это значит, что человек четвертичной эпохи (époque quaternaire) уже имел погребальные обряды и, следовательно, начатки религии. Человек и тогда уже смутно предчувствовал, что с земною жизнью для него не все кончается

и что религия есть не только «частное», но и общее дело: иначе не собирались бы люди на похоронные тризны.

Только что появился человек на земле, как поднял чело к небу.

Os homine sublime dedit coelumque tueri.
Чело человеку высокое дал, да горнее узрит.

А наше чело поникло – мы уже не видим горнего. Мы ниже пещерных людей.

XI

Если бы религия была физическим светом, то обитатели других планет могли бы видеть, как земля светилась с четвертичной эпохи – и вдруг потухла. Но для земного наблюдателя – не вдруг, а за последние пять-шесть веков, от Возрождения до Реформации, от Реформации до Революции, от Революции до наших дней. Это именно те века «прогресса», которыми мы особенно гордимся. По пути прогресса мы двигались быстро, летели, как брошенный камень, – и вот куда залетели.

Робок, наг и дик, скрывался
Троглодит в пещерах скал.

Троглодит в конце прогресса. Может ли это быть? Вопрос уже не кажется сейчас таким нелепым, как до всемирной войны и до русской революции-антропофагии.

XII

«...Грезилось ему (Раскольникову), будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии в Европу... Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали эти зараженные... Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга; всякий думал, что в нем одном заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололи и резали, кусали и ели друг друга... Все и всё погибло» (Достоевский. «Преступление и наказание»).

Для нас это уже не бред, а действительность, по крайней мере для нас, русских. Но это может стать действительностью не только для нас.

XIII

Люди друг друга не понимают и ненавидят до антропофагии, – «кусают и едят друг друга», – потому что распалась между ними *Связь, Religio*, и живые тела человеческих обществ превратились в мертвые, физические «массы», которые, сталкиваясь и разрушая друг друга, возвращаются к древнему хаосу.

Что это за «морская язва», идущая на мир, мы теперь уже знаем: это *нечестие*, ἀσέβεια, крайнее зло, «преступность, как потребность убивать Бога» (*Weininger. Über die letzten Dinge*).

Предел человекоубийства – война, предел войны – война гражданская, «борьба классов», для социализма атеистического единственный метод действия. «Вселенская церковь» гражданской войны – всеубийства – и есть Интернационал.

XIV

Но надо быть справедливым и к социализму: не он породил атеизм – он им сам порожден.

Знание, великий дар Божий, искажается людьми. Наука еще не знание, она может быть и ученым невежеством. Позитивная наука, выбрасывая Личность, религиозное начало культуры, «не зная ни абсолютных проблем, ни абсолютных задач, отрицает культуру» и утверждает варварство (*Weininger, loc. cit.*).

Это ученое невежество, новое варварство, и есть общая основа атеизма, как буржуазного, так и пролетарского. По плодам узнаете их; плод атеизма буржуазного, империализм – всемирная война международная – уже созрел; плод атеизма пролетарского – всемирная война гражданская, всеубийство – еще зреет.

XV

Научные изобретения, чудеса механики могут быть «чудесами дьявола».

Робок, наг и дик, скрывался
Троглодит в пещерах скал.

Ученый троглодит с чудесами дьявола – самый дикий из дикарей.

XVI

Наше «знание» – невежество, наше «просвещение» – тьма. «Ждем света, и вот, тьма; озарения, и ходим во мраке. Осязаем, как слепые, стену, ходим ощупью, спотыкаемся в полдень, как в сумерки; между живыми, как мертвые» (Ис. IX, 9 – 10). Не о нас ли это сказано?

XVII

«В последние дни земля будет подобна овце, падающей от страха перед волком» (*Avesta*). Эти дни еще не наступили; мы еще бесстрашны, но один волосок уже отделяет нас от безумного страха.

Солнце слепых

I

Может быть, не случайно, именно в наши дни, дни великого нечестия, снова открылись святые книги древности – Египет, Вавилон, Ханаан, Иран, Хеттея, Эгея-Пред-Эллада – в своих непостижных тайнах и таинствах. Все они обличают нас, свидетельствуют против нас. Если бы мы имели глаза, то могли бы прочесть в них свой приговор: мы не только враги Божии, но и враги человечества; богоубийцы – человекоубийцы.

II

Мы прочли бы этот приговор, если бы имели глаза. Но книги перед нами открыты, а мы ничего в них не видим, не умеем читать, или читаем, не понимая, потому что чужую веру не может понять тот, кто сам не верит. «О богах без богов ничего нельзя сказать.»

Οὐδὲ λόγον περὶ θεῶν ἄνευ θεῶν λαλεῖν δυνατόν

(*Jamblic. De mysteriis*).

Quis coelum possit, nisi coeli muneri, nosse
Et reperire Deum, nisi qui pars ipse deorum est?
Кто без дара небес небо возможет постигнуть,
Бога кто обретет не богоравной душой?

(*Manilius*)

«Глаз никогда не увидел бы солнца, если бы не был солнцеподобным» (*Plotinus*).

Wär nicht das Auge sonnenhaft,
Die Sonne könnt' es nie erblicken.

(*Goethe*)

Мы же солнца не видим, потому что не солнцу подобен наш глаз, а оловянной пуговице.

III

«В предании об Астиаге, царе Мидийском, рассказывается, что однажды ему приснился сон, будто из чрева дочери его выросло дерево, которое ветвями своими покрыло всю Азию... Мне же брезжится, что из какой-то мертвой головы выросло сухое дерево и колючками и терниями залезло в головы бесчисленных ученых и закрыло от них памятники веры, молитвы, где народы сами написали о себе, изобразили, чему молились, чему поклонялись, приносили жертвы, строили храмы – и положили на ладонь ученых... Чего искать? Вещь перед глазами... А ученые, сами себе завязав глаза, ищут и никак не могут найти» (*Розанов*).

Чтобы прикоснуться к живому сердцу древних религий, я продираюсь сквозь этот мертвый лес учености.

IV

В Полигнотовой картине Ада две женщины, молодая и старая, носят воду в разбитых кружках и надпись гласит: «Непосвященные в таинства». Такова безбожная наука о религии – пустая кружка Данаид.

V

Религиозный опыт веков и народов может быть понят только сочувственным опытом, но его-то и нет у безбожных ученых: тут самый предмет изучения уничтожается наукою. «Разве химику или ботанику, разлагающему клетчатку листа, приходит на ум, что это вайя из-под ног Спасителя?» (*Розанов*).

Ничего не знает безбожная наука о религии, как стекло ничего не знает об электричестве. Такого дурного проводника, такой непроницаемости, стеклянности, никогда еще не бывало.

VI

Религия есть отношение человека к Богу. «Когда этого отношения нет, то в древних святилищах Сераписа, Венеры, Аполлона нельзя даже научным оком ничего уловить... просто груда кирпича. И это не потому, что Аполлон, Серапис, Венера – ничто, нуль, а потому, что нулевое и нигилистическое отношение к ним у смотрящего: ничего не понимаю! ничего даже не вижу! Чему молились эти болваны?» (*Розанов*).

Грубый деревянный «болван», ксоанон, упавший будто бы с неба, кумир Афины Паллады в Эрехфейоне дороже для верующих, чем совершенное изваяние Фидия. И ксоанон Вакха Елевферийского становится богом Аттики, отцом трагедии. Мы же сами, как деревянные болваны перед этими живыми богами.

VII

В утешение нам можно только сказать, что это повелось уже издавна. Боги любят и мудрых делать глупыми. Аристотель в «Метафизике» называет учение Платона об Эросе, эту жемчужину эллинской мудрости, «бредом пьяных», а Спиноза, возражая на божественное слово о детстве, сопоставляет детей с «дураками и сумасшедшими» (Этика, I, 49).

Но если о вечном говорились вечные глупости, то все они нами превзойдены.

Что «религия родилась, когда первый плут встретил дурака», мы уже не думаем или не думаем вслух, как Вольтер (*Essai sur les moeurs, t. I*). Но мы недалеко ушли от этого. Иисус Ренана, «пленительный Учитель», *charmant Docteur*, фарфоровая куколка, образец тончайшей исторической лжи, едва ли не кощунственнее всего, что мог сказать о Христе Вольтер. Французский ученый наших дней Соломон Рейнак называет жрецов Елевзинских таинств «шарлатанами». Апокалипсис – «произведением бесноватых, *energumènes*» (*S. Reinach. Orpheus, 130, 353*), а немецкий ученый Эд. Мейер полагает, что «вся египетская религия есть грубейшее суеверие, *krassester Aberglaube*, с обрядами самого нелепого и отвратительного свойства, „*absurdesten und widerlichsten Art*“ (*Ed. Meyer. Gesch. d. alten Ägypt., 87*).

Да, солнца не видят оловянные пуговицы.

VIII

Когда нашли мумию фараона Рамзеса Великого, то завернули ее в газетный лист «Temps» и привезли в Каир в извозчичьей карете; таможенный чиновник взвесил ее на весах и, «не найдя соответственной пошрины в списке тарифов, применил к ней правило о ввозе соленой трески».

Святое тело царя-бога для древних – соленая треска для нас.

IX

«Vetustas adoranda est. Досточтима древность», – древность божественна, говорили древние (*Macrob. Saturn.*, III, 14), а мы даже не понимаем, что это значит. Древность – мать, а мы – матереубийцы. Божие лицо открылось нам в древности, а мы в Него плюнули.

X

Продираться сквозь мертвые дебри учености к живым родникам знания мне помогают немногие спутники. Из старых – такие ученые, как Шамполлион, Лепсиус, Бругш, и мудрецы и поэты – Гёте, Шеллинг, Карлейль, Мицкевич, Гоголь; из новых – Ницше, Ибсен, Вейнингер, Вл. Соловьев, Розанов и, величайший из всех, Достоевский.

Не слышали их, и меня не услышат. Великая скорбь и радость – быть не услышанным с ними.

XI

Зачем нужно христианство, это, может быть, еще помнит кое-кто из бывших христиан; но зачем нужно язычество, этого уже и само христианство не помнит.

Все человечество дохристианское есть «язычество», а язычество есть вера в богов, несущих – сплетение мифов – и только? Нет, под оболочкою мифа скрыта мистерия. Соотношением этих двух начал и определяется подлинное существо язычества. Истина мифа – в мистерии; тайна его – в таинстве.

XII

«Владыка, чье прорицалище в Дельфах, не открывает и не скрывает, а знаменует, σημαίνει – в вещих знамениях, символах (*Heraclit. Fragm.*, 93).

«Нет многих богов, есть лишь Разум Единый... изменяются же только имена и лики богопочитания: то яснее, то мутнее символы» (*Plutarch. De Is. et Os.*, 67).

Так плоско изваянные фигуры на тонких стенках алебастровой чаши – лампы тусклы, мутны, почти не видны извне; но вдруг яснее, когда внутри лампы зажигается огонь. Изваяния – мифы, а огонь – мистерия.

XIII

Учители и пророки всех веков и народов символически мудрствовали, συμβολικῶς φιλοσοφεῖν, говорит св. Климент Александрийский. – «Основатели мистерий вложили свое учение в мифы так, чтобы оно было открыто не всем». – «В мистериях – предугадание истины» (*Clem. Alex. Strom.*, V, II). И сам Христос есть «Учитель божественных мистерий, διδάσχαλος θεῶν μυστηρίων». – «Господь, по воскресении своем, передал божественное зна-

ние, гнозис, Иакову, Иоанну и Петру, а эти – прочим апостолам». И все христианство есть не что иное, как «мистерии церковного гнозиса» (*Clem. Alex. Strom.*).

О христианских таинствах говорит св. Климент почти теми же словами, как о языческих: «посвящение, лицезрение – эпоптия, иерофантия, великие и малые мистерии».

Здесь живая связь, пуповина, соединяющая христианство с язычеством, младенца с матерью, еще цела, но повивальная бабка, теология, перережет ее так неискусно, что мать умрет, и младенец будет в смертельной опасности.

XIV

Ключ к мифу – мистерия, а ключ к языческой мистерии – христианское таинство. Если христианство ложь, то ложь и язычество; но и обратно, если одно, то и другое – истина.

«Ἀνθρώπος πάντων μέτρον. Мера всего человек» (*Протагор*). А мера человека что? Не образ ли и подобие Божие? Если да, то не только человек подобен Богу, но и Бог – человеку. Истинен миф, делающий богов людьми; истинна и мистерия, делающая людей богами. «Познай себя», на это слово дельфийской мудрости отвечает св. Августин: «Познав себя, Тебя познаю. Noverim me, noverim te» (*Solileg.*, II, 1). – Это и значит: человекопознание есть богопознание, антропоморфизм – теоморфизм. Все, что в человеке, может быть и в Боге; и обратно, все, что в Боге, может быть и в человеке; каков человек, таков и Бог.

Или другими словами: миф-мистерия говорит не только о действительно человеческом, но и о действительно божеском. Мифология есть теология, точный метод религиозного опыта.

XV

По слову Платона, мы находим в древних мифах «части самих себя» («Фэдр»).

Только испепеленный огнем Израиля, Вейнинггер мог знать, что такое Израиль; только «Дионис растерзанный», Ницше, мог знать, что такое трагедия; только Достоевский, человек из Апокалипсиса, мог знать, что такое «конец мира».

О религиозном опыте веков и народов мы можем судить только по своему собственному опыту. Таинства суть тайны души моей: что в них, то и во мне. Кто в своем собственном сердце не подобрал ключа к дверям Елевзинского анактора, тот никогда в него не войдет.

XVI

Мифы ловят богов, как сети – рыбу. Люди плохие рыбаки: боги уходят от них. Но и пустой миф все еще пахнет Богом, как пустая сеть – рыбою.

XVII

«Мифология содержит в себе религиозную истину, – говорит Шеллинг. – Не религия есть мифология, как думают современные ученые, а наоборот, мифология есть религия. Все мифы религиозно-истинны: они суть не басни о том, чего нет, а откровения того, что есть». – «Персефона (Елевзинских мистерий) не только означает, но и *есть* то, за что мы ее почитаем, – нечто действительно существующее, ein wirklich existierendes Wesen. То же самое можно бы сказать и о всех богах. Своеобразие моего объяснения и состоит именно в том, что я вижу в мистериях, так же как в мифах, настоящую действительность» (*Schelling. Philosophie der Offenbarung*).

Это значит: нет ложных богов – все боги истинны.

XVIII

Средиземное море, связующее три части света, Европу, Азию, Африку, есть в самом деле *середина*, сердце земли. В немолчном ропоте волн его бьется сердце человечества. Века и народы, теснясь, обступают его, окружают круговую пляскою, как хор Нереид, и пенится «темно-лиловая соль» его, как амброзия в чаше богов.

Если провести две линии, одну от Мемфиса до Константинополя, другую – от Вавилона до Рима, то получается крест, как бы тень Креста Голгофского. Всемирная история и совершается под этим крестным знаменем.

XIX

История – мистерия, крестное таинство, и все народы участвуют в нем. Путь от Вифлеема к Голгофе есть уже путь «язычества», человечества дохристианского. Много народов, «языков» – много мифов, а мистерия одна – мистерия Бога умершего и воскресшего.

Озирис египетский, Таммуз вавилонский, Адонис ханаано-эгейский, Аттис малоазийский, Митра иранский, Дионис эллинский, в них во всех – Он. По слову апостола Павла: «это есть тень будущего, а тело во Христе» (Колос. II, 17).

XX

По сознанию эллино-римского язычества, в самый канун христианства, Елевзис есть «некое общее святилище земли,

Κοινὸν τι τῆς γῆς τέμενος

«. По слову Претекстата, Елевзинские таинства «объединяют весь человеческий род, τὰ συνύχοντα τὸ ἀνθρώπειον γένος ἀγιώτατα μυστήρια

».

В святую ночь над Елевзинским анактором зажигается великий свет. «Свет к просвещению язычников» (Лук. II, 32). – «Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий; на живущих в стране тени смертной свет воссияет» (Ис. IX, 2).

Ἐλευσίς, имя города – от слова

ἔλευσις

, «пришествие». Глубочайший смысл Елевзинских таинств и есть не что иное, как «пришествие Бога» (*Schelling*. Philos. d. Offenb., 519).

XXI

«И став Павел среди Ареопага, сказал: Афиняне! по всему вижу, что вы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святины, я нашел и жертвенник, на коем написано: *неведомому Богу*. Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедаю вам... От одной крови Он произвел весь род человеческий... дабы искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли» (Деян. XVII, 22–27).

Это и значит: христианство есть истина язычества.

XXII

Содержание всемирной мистерии-мифа о страдающем Боге есть событие, не однажды происшедшее, а всегда происходящее, все вновь и вновь переживаемое в жизни мира и человечества.

«Это не однажды было, но всегда есть.

Ταῦτα δὲ ἐγένετο μὲν οὐδέποτε, ἔστι θεαεῖ

(*Sallust. De diis et mundo, IV*).

«Всемирная история есть эон, чье содержание вечное, начало и конец, причина и цель – Христос» (*Шеллинг*).

Всемирная история есть геометрическое пространство, в котором строится тело Христа.

XXIII

Христос таится в язычестве, в христианстве открывается. Христианство есть Откровение, Апокалипсис язычества.

Слепые солнца не видят, но теплоту его чувствуют. Христос язычников – солнце слепых.

XXIV

«Огромное отличие христианства от язычества заключается в том, что личность Христа *исторически действительна*» (*Шеллинг*). Это хорошо поняли современные безбожники-ученые: все их усилия направлены к тому, чтобы уничтожить историческую личность Христа. Но уничтожить ее – значит уничтожить всемирную историю, потому что вся она – только о Нем.

«В пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии» (Лук. III, 1–2). Вот геометрическая точка в пространстве и времени, соединяющая Тело с тенью: язычество – тень, а тело – во Христе. От тени к телу – таков путь всемирной истории – мистерии.

Мистерия страдающего Бога протянулась через все века и народы, как исполинская тень, чтобы лечь к ногам Христа.

XXV

Уже до христианства был миф о Христе; значит, Христос – миф? Нет, если до Александра Великого был миф о всемирном завоевателе, это не значит, что Александр – миф. Далекие горы похожи на облака. Христианство – главный хребет, Гималаи всемирной истории окутаны облачною ризою мифов; но из этого не следует, что Гималаи – облако.

Был ли Христос? По одному тому, что людям приходит в голову этот вопрос, видно, что тут дело идет вовсе не о научной критике. Как бесноватый Кириллов у Достоевского «верует», что нет Бога, так эти новые христоубийцы веруют, что не было Христа. Но само это желание убить Его, уничтожить, показывает от противного, как историческая личность Его для них еще действительна.

XXVI

Если не было Христа, то нет и христианства: оно такой же миф, как язычество. Но если Христос был, то мистерия-миф о страдающем Боге – тень Христа, еще не пришедшего, откинутая назад на все человечество до начала времен, есть неотразимое, христубийц убивающее чудо всемирной истории.

Божественный Трилистник

I

Плыл архиерей в корабле по Белому морю и услышал, что живут на пустынном острове три старца, спасаются, а сами так просты, что и молиться не умеют как следует. Захотел увидеть их, подплыл к островку, вышел на берег и видит: стоят рядом три старца древних, сединой обросших – большой, средний и малый, – за руки держатся.

– Как вы Богу молитесь? – спросил архиерей.

И самый древний старец сказал: «Молимся мы так: трое нас, Трое Вас, помилуй нас». И как только сказал это, подняли все трое глаза к небу и сказали: «Трое Вас, трое нас, помилуй нас!»

Усмехнулся архиерей: «Это вы про Святую Троицу слышали, да не так вы молитесь».

И начал их учить молитве Господней. Долго учил, весь день до ночи: старцы были очень беспамятны. Наконец кое-как выучил, сел на корабль и отплыл. Возшел месяц. Сидит архиерей на корме, глядит в море, туда, где островок скрылся. Вдруг видит: блестит, белеет что-то в столбе месячном. Вгляделся – бегут по морю старцы, корабль догоняют, белеют и блестят их седые бороды. Бегут, рука с рукой держатся; крайние руками машут, остановиться велят. Поравнялись с кораблем и заговорили в один голос:

– Забыли, раб Божий, забыли твое учение... Ничего не помним, научи опять!

Перекрестился архиерей и сказал:

– Доходна до Бога и ваша молитва. Не мне вас учить.

И поклонился в ноги старцам.

(Л. Толстой. «Три старца»)

II

Нелюдим священный остров Самофракия: отвесные кручи его оглашаются только криками чаек да шумом седых бурунов, гонимых ветром от Пропондиты. В незапамятной древности, со стен Илиона, еще неразрушенных, можно было видеть, как возносится жертвенный дым с острова. Там, на высях гор, совершались таинства Великим Богам, Кабирам.

Их было трое: Большой, Средний и Малый – Отец, Мать и Сын.

«И было ночью видение Павлу: предстал некий муж, Македонянин, прося его и говоря: приди в Македонию и помоги нам. После сего видения тотчас мы положили отправиться в Македонию, заключая, что призывал нас Господь благовествовать там. Итак, отправившись из Трояды, мы прямо прибыли в Самофракию» (Деян. XVI, 9 – 11).

Может быть, расспрашивая о Самофракийских таинствах, апостол Павел с удивлением узнал кое-что о Трех в Одним Боге неведомом. Орфики называли Кабиром тремя именами или одним в трех: Аксиер, Аксиокерса, Аксиокерс: Отец Небесный Зевс, Мать Земля Деметра, и Сын Земли и Неба Дионис. И в Елевзинских таинствах те же Трое, только в ином сочетании: Отец Дионис, Мать Деметра и Сын Иакх.

Но уже и орфики (V–VI века) их древних имен не помнили. Может быть, впрочем, у них и не было имени, ни даже образа. Ничего о них люди не знали – знали только, что их Три, что эти Три – Одно.

III

На о. Крите, в Кносском дворце-лабиринте баснословного царя-бога Миноса, найдены три глиняных столбика, соединенных в подножии; три голубя сидят на них, по одному на каждом, знаменуя сошествие Трех (Art., Evans. The palace of Minos at Knossos, 222). Второй дворец Кносса, где найдены столбики, построен за пять веков до Троянской войны (около 1600 г.). Вот когда уже люди поклонялись Трем. Просты были, не умели молиться, как следует, и молились, глядя на три столбика: «Трое Вас, трое нас, помилуй нас!

И погибая в бурных волнах широко шумящего моря, видели, как блестят в блеске молний тремя белыми чайками над черною бездною, бегут к ним на помощь три Великих Кабира – три Старца.

IV

В Ханаане, у дуба Мамрийского, явился Господь Аврааму. «Он возвел очи свои, и взглянул, и вот, три Мужа стоят против него» (Быт. XVIII, 2). И тотчас узнал он Господа, чье имя *Elohim* – Боги – Три Бога в Одном.

Оттуда, из Ханаана, и произошло имя Кабиров: ללר. Kabru, Kuburu – *Великие*. Их трое: Ваал Отец, Астарта Мать и Адонис-Эшмун Сын.

А имя вавилонское: *Ka-ab-rat*. Отец Эа, Мать Иштар и Сын Таммуз. Но люди Сенаара знали их уже в довавилонской, шумерийской, для нас почти невообразимой, как бы допотопной, древности (*Th. Friedrich*. Kabiren und Keilenschriften, 91).

Им же поклонялись и предки египтян в столь же бездонной древности додинастической (VIII–VII тысячелетие): Отец Озирис, Мать Изида, Сын Гор.

V

Самофракийские и Елевзинские таинства совершались еще накануне Никейского собора, где исповедан был догмат о Пресвятой Троице.

И до наших дней в каждой христианской церкви исповедуется в Символе веры открытая людям от начала времен и все еще сокровенная Тайна Трех.

VI

«Нет, никогда не будет три одно!» – смеется, кощунствует Гете (Разговоры с Эккерманом).

«Трижды светящим Светом, das dreimal glühende Licht», – заклинает беса Фауст. И старая ведьма, готовя для него эликсир юности, бормочет что-то об Одном, Двух и Трех:

Mein Freund, die Kunst ist alt und neu.
Es war die Art zu allen Zeiten,
Durch Drei und Eins, und Eins und Drei
Irrtum statt Wahrheit zu verbreiten.
Увы, мой друг, старо и ново,
Веками лжи освещено
Всех одурачившее слово:
Одно есть Три, и Три – Одно.

(Faust, I Hexenküche)

Уж если глаз Гете, самый «солнечный глаз» наших дней, потускнел, как оловянная пуговица, перед Тайною Трех, то чего ждать от других?

VII

Тайны Божии для человека слишком просты: открыты, как небо, и так же недостижимы. Самая простая, открытая и тайная тайна – Три.

VIII

«Страшусь писать о том, о чем и говорить почти не смею» (*Clemens Alexandr. Stromata*). Не смеет говорить об этом св. Климент, «человек, познавший все таинства» (*Euseb. Praepar. evang.*, II, 2). Как же нам сметь?

По учению св. Климента, ангелы пали до начала мира, потому что изреклись тайну Божию. От слова изреченного погибает мир, но и спасается Словом. Никогда еще так не погибал, как сейчас, и никогда еще не было ему так нужно Слово. Но немотой уста наши замкнуты, как врата адовы замками железными, и сокрушит их только Сошедший в ад.

IX

Можно говорить о Тайне Трех или огненно-пророчески – но кто сейчас пророк? – или алгебраически-холодно, помня, что алгебра в религии – то же, что сухой колос для умирающих от голода или спектральный анализ для потухшей звезды – погибшего мира.

Вот алгебраическая формула Шеллинга.

В Боге три начала: первое, отрицающее или замыкающее – «огнь закона», гнев; второе, утверждающее или расширяющее – «веяние тихого ветра», любовь; и третье, соединяющее два первых. Нет, Да, Да и Нет.

– А = Отец.

+ А = Сын.

± А = Дух.

Это просто, как небо, и этим очерчен круг нашего знания, как круг земли – чертою неба. Это люди знали от начала и больше не узнают до конца.

X

«Философия Откровения» Шеллинга прошла бесследно», – замечает Куно Фишер (Ист. нов. филос., VIII, 768). Эд. Целлер видит в ней только «неуклюжую схоластику» (Ист. нем. филос.), а Ферд. Хр. Баур, один из первых христубийцев, – «галиматью» (*К. Фишер*, op. cit., 268).

«Галиматьею», впрочем, кажется нам не только «Философия Откровения», но и само оно. Пусть старушки в церквах читают символ веры; мы с Мефистофелем знаем, что о таких вещах не говорят в приличном обществе.

Как рассмеялись бы философы тогда и теперь, если бы кто-нибудь сказал им, что Шеллинг заглянул в тайну мира глубже, чем Кант!

XI

Мы читаем книгу мира, как малограмотные люди, не отрывая глаз от страницы и водя пальцем по строкам; и только тогда, когда чья-то быстрая как молния рука перевортывает страницу, мы видим, что мелькает что-то «написанное сбоку, на полях» (*Бергсон*), может быть, самое важное, но мы не успеваем прочесть: чтобы успеть, нужны другие глаза, те «вещие зеницы», что бывают только у пророков.

Мы верим на слово Лобачевскому и Эйнштейну, что где-то в «четвертом измерении», в метагеометрии, «перчатка с левой руки надевается на правую». Но для того чтобы это понять – увидеть, нужен метафизический вывих, выверт ума наизнанку, как бы сумасшествие, или то «исступление», «выхождение из себя»,

ἔκτασις

, которому учили древние мистагоги и апостол Павел: «Премудрость Божия – безумие для мира сего».

О четвертом измерении кое-что знает Эйнштейн, но, может быть, больше знают Орфей и Пифагор, иерофант «Четверицы Божественной», которую воспеваает он, как «число чисел и вечной природы родник», *παράν ἀεννάου φύσεως* (*Carm. Aur.*, V, 47).

Пифагора и Орфея объясняет Шеллинг: над тремя началами в Боге, Отцом, Сыном и Духом, возвышается сам Бог в единстве Своем, так что тайна Бога и мира выражается алгебраически: $3+1=4$ (*Philos. d. Offenbar.*). Это и значит: в Боге Три – Четыре в мире; Троица в метафизике есть «четвертое измерение» в метагеометрии.

Не эту ли игру божественных чисел кристаллизируют и египтяне в пирамиде, соединяя в одной точке неба четыре исходящих из земли треугольника, и вавилоняне – в башне *Zikkurat*, семьярусной: $3+4=7$?

XII

Зодчество, Музыка, Математика – во всех трех один и тот же лад божественных чисел, один порыв из трех измерений в четвертое: в ледяных гранях Аполлоновых чисел – огненное вино исступлений Дионисовых.

Пифагор считает и поет, считает и молится, потому что в числах не только земная, но и небесная музыка – «музыка сфер». И Пифагору, геометру, отвечает св. Августин, богослов: «*Pulchra numero placent. Числом пленяет красота*» (*De ordine*).

«Что такое серафим? Может быть, целое созвездие», – бредит Иван Карамазов. Серафимы и херувимы, Созвездия, вопиют у престола Единого в Трех: «Свят! Свят! Свят!»

А мы из преисподней хохочем с Мефистофелем:

– Галиматъя! Никогда не будут три одно!

XIII

Древние были учтивее нас: не посмели назвать «галиматъею» мудрость Гераклита, а назвали его только «Темным». Темны и тяжки, как первозданные глыбы гранита, дошедшие до нас обломки Гераклитовой мудрости.

Был ли он посвящен в мистерии, мы не знаем; но, во всяком случае, говорит, как посвященный, и книгу свою «О природе», *Περί φύσεως*, приносит в дар Артемиды Ефесской, кото-

рая в Азийских таинствах – то же, что Деметра в Елевзинских и Аксиокерса в Самофракийских: третье лицо Троицы – Мать-Дух. И все учение Гераклита – о Тайне Трех.

«

Τὸ ἀντίξουν συμφέρον

Противоборствующее-соединяющее. – Из противоположного – прекраснейшая гармония. Бог есть день-ночь, зима-лето, война-мир, сытость-голод: все противоположности в Боге,

τὰναντία ἅπαντα

» (*Heraclyt. Fragm.*, 8, 64).

Это и значит: два противоположных начала соединяются в третьем: $-A + A \pm A$, алгебраическая формула Шеллинга.

XIV

От Гераклита до Шеллинга – Слово Божие и немота человеческая о Троице. Но в наши дни Слово страшно умалется, а немота растет. Еще только старушки в церквах да три старца на пустынном острове молятся: «Трое нас, Трое Вас, помилуй нас!»

XV

Все, что мы называем «цивилизацией», зиждется на христианстве; христианство есть откровение Сына; Сын – Второе Лицо Троицы. Но вот о Ней самой – ни слова. Немотой уста наши замкнуты, как врата адовы замками железными.

От начала мира люди знали об этом, помнили – и вдруг забыли.

Да, именно *вдруг*, потому что это произошло окончательно только за последние триста – четыреста лет, или еще быстрее, острее за последние тридцать – сорок лет, или еще острее, быстрее за самые последние, самые страшные годы в жизни человечества.

Это похоже на то, как если бы люди вдруг забыли об основном законе логики, законе тождества, – и сошли с ума.

XVI

Человек, даже не знающий, что такое Троица, все-таки живет в Ней, как рыба в воде и птица в воздухе.

Как ни ломает он логику, а подчиняется ей, пока не сошел с ума окончательно: пока мыслит – мыслит троично, ибо троичны основные категории человеческого мышления – пространство и время. Три измерения пространственных: линия, плоскость, тело; три измерения временных: настоящее, прошлое, будущее.

Троичны и все предпосылки нашего опыта. Уже с Демокрита и Лукреция понятие вещества,

ὕλη

, включает в себя понятие атомов с их взаимным притяжением (+a) и отталкиванием (– a); двумя противоположными началами, соединяющимися в третьем ($\pm a$), именно в том, что мы называем «материей».

Троичен и закон физической полярности: два полюса, анод и катод, замыкаются в электрический ток. По слову Гераклита: «Кормчий всего – Молния.

Τὰδὲ πάντα οἰακίζει χεραινός

« (Fragm., 64). Соединяющая Молния Трех.

Троичен и закон химической реакции, то, что Гете называл «избирательным средством» химических тел, Wahlverwandschaft: два «противоположно-согласных» тела соединяются в третьем.

Троичен и закон жизни органической: внешняя симметричность, двойственность органов (два уха, два глаза, два полушария мозга) и внутреннее единство биологической функции. Или еще глубже: два пола, два полюса и между ними – вечная искра жизни – Гераклитова Молния.

Троична, наконец, и вся мировая Эволюция: два противоположных процесса – Интеграция и Дифференциация – соединяются в единый процесс Эволюции.

XVII

Так «трижды светящий Свет» колет, слепит человеку глаза, а он закрывает их, не хочет видеть. Все толкает его в Троицу, как погонщик толкает осла острою палкой-рожном, а человек упирается, прет против рожна.

Хочет остаться сухим в воде и задыхается в воздухе. Рыба забыла, что такое вода, и птица, что такое воздух. Как же им напомнить?

Напоминать о разуме в сумасшедшем доме опасно. Все сумасшедшие в один голос кричат: «Монизм! монизм!» Но что такое монизм – единство без Триединства, часть без целого? Начинают монизмом, а кончают нигилизмом, потому что троичностью утверждается Дух и Материя, а единичностью, монизмом – только материя: все едино, все бездушно, все – смерть, все – ничто. Воля наша к монизму есть скрытая – теперь уже, впрочем, почти не скрытая – воля к ничтожеству.

XVIII

За двадцать пять веков философии, от Гераклита до нас, никогда никому, кроме нескольких «безумцев», не приходило в голову то, о чем я сейчас говорю. Разве это не чудо из чудес дьявольских? Сколько философских систем – и ни одной троичной! Монизм, дуализм, плюрализм – все, что угодно, только не это. Как будто мысль наша отвращается от этого так же неодолимо, как наша евклидова геометрия – от четвертого измерения, и тело наше – от смерти.

Три – число заклятое. Кто произносит его, хотя бы шепотом, тот ополчается на себя все силы ада, и каменные глыбы наваливаются на него, как подушки, чтобы задушить шепот.

XIX

Под «трижды светящим Светом» рычит, скалит зубы, корчится древний Пес, Мефистофель: помнит, что уже раз опалил его этот Свет, и знает, что опалит снова.

И все мы, песьей шерстью обросшие, дети Мефистофеля, корчимся: знаем и мы, что испепелит нас Молния Трех.

Один, два и три

I

«Три свидетельствуют на небе, Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино. И три свидетельствуют на земле, дух, вода и кровь; и сии три об одном» (I Иоан. V, 7–8).

Это и значит: божественная Троица на небе, а на земле – человеческая. Но что такое Троица, Три, нельзя понять, не поняв, что такое Один.

II

Тайна Одного есть тайна божественного Я. «Я есмь Сущий», – говорит Бог, и человек, образ и подобие Божие, повторяет: «Я есмь».

Бог един и личен, и человек тоже: никогда еще такого не было и никогда уже не будет. Единственность есть божественность человеческой личности.

Кто этого не знает, тот ничего не знает о Боге; кто не сказал: «Я есмь», тот никогда не скажет: «Есть Бог».

III

«Если нет Бога, то исчезает и проблема ценности для моей жизни: тогда я – ничто. И у меня даже нет поводов к отчаянию, потому что и отчаяние указывало бы на мое ничтожество ввиду ценности (личности). Бог должен быть, чтобы я был. Я есмь лишь постольку, поскольку я – Бог» (*Weininger. Über die letzten Dinge*, рус. перевод, 154).

Но в том и беда, что весь этот ход мысли непонятен современным безличным и безбожным людям; непонятен, потому что нельзя перейти ни от личности к Богу, ни от Бога к личности: личность и Бог вместе даны или вместе отняты.

Как, в самом деле, говорить о Троице, когда нет Единицы? Если нет Одного – божественной Личности в Отце, то нет ни Двух – божественного Пола в Сыне, ни Трех – божественного Общества-Церкви, Царства Божьего, в Духе.

Провал личности – провал всего в религии.

IV

Höchstes Glück der Erdekinder
Sei nur die Persönlichkeit.
Пусть же будет только личность
Высшим счастьем на земле, —

говорит Гете, как бы предчувствуя, что скоро личность уже не будет счастьем.
И еще:

Alles könne man verlieren
Wenn man bleibe, was man ist!
Не беда всего лишиться,
Только б вечно быть собой!

А мы готовы всего лишиться, только бы не быть собою.

V

Может ли человек потерять лицо свое? Может, если лицо его – пустая личина. Могу ли я забыть, что я – я? Могу, если «я – простой узел элементов» (*Эри. Мах*). Я не я, а что-то другое, безличное, бездушное – материя, механика, атом физических или человеческих «масс» – вот наше главное чувство. Воля к безличности – не быть собою – вот наша главная воля. Безумно любим себя и безумно ненавидим. Бежим от себя, как от ужаса, от пустоты, бездонно зияющей.

VI

«Меня не было, меня нет», – сказано в надгробной надписи одного древнего эллина-безбожника. Ничего лучше и мы для себя не придумаем.

«Умрем и будем, как вода, пролитая на землю, которую нельзя собрать» (Вт. Цар. XIV, 14). Нет, не будем – мы уже и сейчас, как пролитая на землю вода.

«Коммунисты шли умирать с хохотом», – сказано в одной советской военной реплике. Еще бы! Смерть не страшна тому, кто умер заживо.

Имя наше – злая шутка Одиссея над Полифемом: «Я – *Никто*».

Люди умирают – пустые личины сыплются с человечества, как сухие листья с дерева, и обнажается черный, страшный ствол – Никто.

VII

К умирающему Пэру Гюнту приходит Пуговичник с плавильной ложкой для неудачно вылитых, без ушка, оловянных пуговиц: «Видишь ложку? Пора тебе в нее!»

Пэр Гюнт ужасается:

Расплавиться, войти частицей,
Ничтожным атомом в чужое тело,
Утратить «я» свое, свой Гюнтский облик,
И перестать самим собою быть?..
Нет, против этого готов я спорить,
Бороться всеми силами души!

А Пуговичник смеется:

Но, милый Пэр, зачем же по-пустому
Так волноваться? Никогда ты не был
«Самим собой»; так что же за беда,
Коль «я» твое и вовсе распадется?..
Не трать же времени, иди добром!

Так приглашает всех нас Пуговичник в ложку свою. И приглашать нечего: сами лезем.

VIII

Может быть, и вся наша планета – только неудачно отлитая, без ушка, оловянная пуговица, и огонь уже разведен, чтобы расплавить и отлить старое олово в новую форму? Об этом кое-что знает Апокалипсис, и Достоевский, «человек из Апокалипсиса». Для нас, впрочем, это лишь «бред бесноватых».

Но планета удалась, по крайней мере, в одном – в Личности. Тут уже нам нет никаких отговорок: божественная Личность, тайна Одного, открыта людям, явлена воочию. И сколько бы ни старались христубийцы, никогда не забудет человечество, что *был* на земле Человек, о Котором нельзя не сказать: такого, как Он, никогда еще не было и никогда уже не будет.

IX

Тайна Отца Единого – в Сыне Единородном, тайна Одного – в Я единственном, в личности. А тайна Двух в чем?

Я знаю первичным, прежде всякого внешнего опыта, внутренним знанием, что я – я; знаю также, что есть еще что-то – не-я. И все, что не я, отрицает, исключает меня, или мной исключается, отрицается. Всякое чужое тело, входя в мое, разрушает, пожирает, убивает его или же им убивается. И так всегда, везде, кроме одной точки – Пола. Здесь, и только здесь, в половой любви, чужое тело входит в мое, и мое в чужое, не для того, чтобы разрушить, убить, а чтобы познать друг друга, как «Адам познал Еву» (Быт. IV, I).

Изнутри я знаю только свое тело, а все чужие тела – извне. Но здесь, и только здесь, в половой любви, я познаю чужое тело, как свое, как «вещь в себе», говоря языком Канта или языком Шопенгауэра: везде познается мною «мир, как представление», *die Welt als Vorstellung*, и только в точке Пола – «как воля», *die Welt als Wille*.

Пол есть единственно возможное для человека, кровнотелесное «касание к мирам иным», к трансцендентным сущностям. Тут, в половой любви, – рождение, и тут же – смерть, потому что умирает все, что рождается; смерть и рождение – два пути в одно место, или один путь туда и оттуда.

«Пол есть второе, темное лицо человека... Пол выходит из границ естества; он внеестествен и сверхъестествен... Это – пропасть, уходящая в антипод бытия, образ того света, здесь, и единственно здесь, выглянувший в наш свет» (*Розанов*).

Тело мое отовсюду закрыто, замкнуто, непроницаемо, – отовсюду, кроме Пола. Пол есть полость, открытость, зияние в теле моем, выход из этого мира в тот, как бы окно темничное. Все тело имманентно, а Пол трансцендентен; все тело в трех измерениях, а Пол – в четвертом. Здесь-то и «соединяются противоположности», мужское и женское (по Гераклиту). «Перчатка с правой руки надевается на левую»: чужое тело становится моим, так что я уже не знаю, где я и где не-я.

X

Не-я – Ты, это впервые познано в тайне Двух; впервые прошептано «Ты», устами любящих в лобзании любви.

Вся природа хочет и не может сказать: «Ты». Но уже и звери, укрощенные Эросом, перестают ненавидеть и начинают любить; уже и в рыкании львов, а может быть, и раньше, в довременном хаосе, в «избирательном средстве» химических тел, слышится не сказанное

Ты. Только человек сказал его – и стал, как Бог. Я и Ты – это откровение Пола так же изначально, трансцендентно, божественно, как откровение Личности: я – Я.

«В начале Бог сотворил человека по образу своему». Но уже и в одном было два: «Мужчину и женщину сотворил их – да будут два одна плоть».

Так уже в начале открывается в тайне Одного – Личности, тайна Двух – Пол.

XI

«Пол» – грубое, узкое, или огрубленное, суженное слово, религиозно-пустое, или опустошенное. Когда мы соединяем его со словом «любовь», то нам кажется, что мы не освящаем пол, а оскверняем любовь. Но у нас нет другого слова. И, конечно, недаром весь язык наш безбожен или беспол: как в нем, так и в нас самих пол против Бога, и Бог против пола.

А в начале не было так. Все, что мы называем «язычеством» – Египет, Вавилон, Ханаан, Хеттея, Эгея, Эллада, Рим – весь Отчий Завет «струится от пола» (*Розанов*); ожидает Богозачатия, Богорождения.

И вот, Бог родился. Казалось бы, пол в Боге, тайна Двух должна исполниться? Нет, не исполнилась.

Христианство, исключив из себя непретворенный в язычестве пол, само не преобразило его и не заменило ничем: там, где пол – в язычестве, в христианстве – нуль.

В Троице языческой – Отец, Сын и Мать; в христианской – вместо Матери Дух. Сын рождается без Матери, как бы вовсе не рождается. Вместо живого откровения мертвый и умерщвляющий догмат. Половая символика в Боге принята лишь концом уст, а сердцем отвергнута. Христос – Жених, царство Его – вечеря брачная: это сказано, но не сделано; это невоплощенный и невоплотимый символ, неисполненное и неисполнимое пророчество.

XII

И таинство брака не сердцем принято, а лишь концом уст. Сердце христианства – Евхаристия – с таинством брака не связано, не связуемо. «Будут два одна плоть», одна кровь в зачатии, в семени, – самая мысль об этом, в таинстве Плоти и Крови, кощунственна.

И опять, «в начале не было так». Именно здесь, в точке Пола, повернулось колесо мира на оси своей, так что верхнее сделалось нижним, святое – кощунственным. Таинство христианское – вне Пола, а языческое, ветхозаветное, от святыни Израильской – обрезания – до Елевзинских половых символов, «неизреченных святынь»,

ἄρρητα

, насыщено Полom.

С посвящаемым в мистерию мистом Эрос делает то же, что Серафим – с пророком:

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверзтую водвинул.

В самом Боге пылает этот «неугасимый огонь»,

ἀκάματος πῦρ

, «разжигающий всякую жизнь» (*Шеллинг*).

«Бог твой, Израиль, есть огонь поядующий». И доныне, сколько бы мы ни заливали его слезами покаяния, горит в нашей крови божественный уголь Пола, и рдеет рдяным огнем его вся наша кровь. И доныне совершается мистерия Пола: завеса стыда над каждою четою любящих – завеса Елевзинского святилища.

XIII

Недаром Гераклит, единственный из древних философов, посвященный в мистерии, говорит на языке троичном и половом, половом и троичном вместе. Именно здесь, в божественной тайне Пола, Троице, и открывается Гераклиту тайна всех таинств:

τὸ ἀντίξουν συμφέρν

, «противоборствующее – соединяющее», противоположное – согласное. Соединение двух противоположных начал в третьем – «все противоположности в Боге,

ἐν Θεῷ ἅπαντῖα ἅπαντα

– Гераклитова Троица и есть не что иное, как соединение Двух Полов.

И это сам Гераклит знает: «Природа льнет к противоположному и из него извлекает некое созвучие (гармонию)... Так сочетала она мужское с женским» (*Fragm.*, 10). Два противоположных начала, два пола, «соединяются в действии, как противоположные части лиры и лука» (*J. Gérard. Le sentim. relig. en Grèce*, 232).

Это и значит: все в природе натянуто, напряжено половым напряжением (*Spannung* Шеллинга), как тетива на луке и на лире струна. Так, гераклитовский антиномизм или, точнее, *анантиизм* (от слова ἀναντία, «противоборствующее», «противоположное») есть не что иное, как *тринитаризм*, троичность, а тринитаризм – не что иное, как преломленный в философском мышлении религиозный *сексуализм* – половая насыщенность, напряженность древней мистерии. В мире Пол – в Боге Троица.

XIV

Между двумя полами, или, как мы теперь сказали бы, электрическими полюсами, зажигается божественная искра любви – гераклитовская «молния – кормчий всего». «Как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого» (Мат. XXIV, 27). А по слову Гераклита: «Все огонь, когда придет, рассудит и возьмет себе. – Суд мира и всего, что в мире, через огонь» (*Fragm.*, 63–65). – «Огонь пришел Я низвесть на землю», – говорит и Сын Человеческий (Лук. XII, 49).

Вот какая гроза любви собирается в мире и в Боге.

XV

Бог любит мир, как Отец – Сына? Да, но и как Жених – Невесту. Недаром первые слова любви на земле прошептаны четою любящих. И на небе огненные духи, Серафимы, «целые созвездия», горят любовью брачною, влюбленностью; и закон мирового тяготения, правящий солнцами, – та же любовь.

Amor che muove Sol e l'altre stelle.

(Dante)

Франциск Ассизский, *Pater Seraphicus*, и наш Серафим Саровский знают о рдеющих углях, огненных розах этой любви.

XVI

Пол есть божественная в человеческом теле Троичность, двуострый меч Господень в сердце нашем, Тайна Двух. Пол есть первое, изначальное, кровнотелесное осязание Бога Троидино.

Вот почему и в Завете Отчем, в язычестве, все начинается с Пола. Полом облечен, как девственной пленкою цветочной завязи, еще нераспустившийся цветок Божественного Трилистника.

XVII

Между Единицей-Личностью и Обществом-Множеством умножающий, рождающий Пол – как перекинутый над пропастью мост. Мост провалился, и пропасть зияет: на одном краю – безобщественная личность – индивидуализм, а на другом – безличная общественность – социализм.

Социализм и сексуализм: в нашей мнимохристианской современности – атеистический социализм, а в языческой древности – религиозный сексуализм – две равные силы; одна разрушает, другая творит.

XVIII

Существо социализма – безличное и бесполое, потому что безбожное. «Пролетарии», «плодущие» – от латинского слова *proles*, «потомство», «плод». Телом плодущие, а духом скопцы; не мужчины, не женщины, а страшные «товарищи», бесполое и безличное муравьиное человеческое муравейника, сдавленные шарики «паюсной икры» (*Герцен*).

XIX

Как глубоко наше скопчество, видно из того, что в нем согласны все индивидуалисты и социалисты, буржуа и пролетарии, верующие в Бога и безбожники. Как нам понять, что такое божественный Эрос, когда вместо Афродиты Урании – у нас «Елена Прекрасная», а вместо Елевзинского храма – публичный дом?

Мы убили Пол и мертвое тело спрятали в подполье: вот почему у нас в доме такой тлетворный дух.

XX

Тайна Одного – в Личности, тайна Двух – в Поле, а тайна Трех в чем?

Три есть первый численный символ Множества – Общества. «*Tres faciunt collegium*. Трое составляют собор» – общество. «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я среди них». Он Один среди Двух – в Поле, среди Трех – в Обществе.

Или, говоря языком геометрии: человек в одном измерении, в линии – в движущейся точке личности; человек в двух измерениях, в плоскости – в движущейся линии пола, рода,

размножения; и человек в трех измерениях, в теле человечества – в движущейся плоскости общества: Я, Ты и Он.

Как легко начертить, но как трудно понять эту схему Божественной Геометрии. Не отвлеченно-умственно, а религиозно-опытно понимается она только в «четвертом измерении», в метагеометрии.

XXI

От начала времен путь человечества есть путь к божественному Обществу, Царству Божьему. «Да придет царствие Твое» – эта молитва была в сердце людей прежде, чем на устах.

От Египта и Вавилона до Рима, от Рима языческого до христианского, – всемирная монархия есть всемирная теократия. Царем может быть только Сын Божий – это уже знают и язычники. Но человек, не солгав, не может поверить сам и заставить верить других, что он – Сын Божий – Бог. Это значит, что во всемирной «теократии-монархии» – царство Божие, божественное Общество, зиждется на лжи человеческой. А где ложь, там и насилье, убийство, война. Всемирная монархия – война всемирная, – империализм.

«Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники. – Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить, Я есмь Пастырь добрый и жизнь Мою полагаю за овец. – И будет одно стадо и один Пастырь» (Иоан. X, 8 – 16). Один Царь – Христос.

«И сказал Пилат Иудеям: се, Царь ваш! Но они закричали: возьми, возьми, распни Его! Пилат говорит им: Царя ли вашего распну? Первосвященники отвечали: нет у нас царя, кроме кесаря. – И распяли Его. – Пилат же написал и надпись на кресте: Иисус Назорей, Царь Иудейский» (Иоан. XIX, 14–21).

И доныне Царь висит на кресте, и люди говорят Ему: «Сойди с креста!»

XXII

Если вся языческая теократия – только тень без тела, то вся христианская – тень от тела Распятого. Слепые овцы в язычестве смешивали Пастыря с волком; но то же делают и в христианстве овцы зрячие. Пастырь Добрый мог бы сказать и сейчас: все, сколько их ни приходило *после* Меня, суть воры и разбойники.

Не исполнилось царство Божие и в христианстве, так же как в язычестве. Здесь, в христианстве, личность без пола; там, в язычестве, пол без личности. А только тогда, когда исполнится тайна Одного и тайна Двух – Личность и Пол, исполнится и тайна Трех – Общество.

XXIII

Царства Божьего искало человечество и не нашло. Но, если еще не до конца пусты опустошенные нами слова: «прогресс», «цивилизация», то все, что в них есть, найдено человечеством только в поисках Града Божьего, божественного Общества. Все земные цветы расцвели в этих двух тенях от тела Распятого, христианской и языческой.

XXIV

По смутным воспоминаниям христианским мы знаем, что такое личность; по воспоминаниям языческим, еще более смутным, мы знаем, что такое пол; но мы уже совсем не знаем, что такое Церковь – Царство Божие – божественное Общество.

XXV

Я чувствую себя в теле своем: это корни Личности; я чувствую себя в другом теле: это корни Пола; я чувствую себя во всех других телах: это корни Общества.

Два первых чувства мы знаем, но не знаем третьего, потому что не вовнутрь живого тела нашего уходят корни Общества, а куда-то вовне, в бездушную материю человеческих «масс».

XXVI

«Будут два одна плоть», – только ли о брачной любви это сказано? Нет, как два, так и все будут одна плоть, одна кровь в таинстве Плоти и Крови, в тайне Церкви – Царства Божьего – божественного Общества. «Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, – и Я в них» (Иоан. XVII, 21–26).

XXVII

«Коммунисты идут умирать с хохотом». Нет, не умирать, а убивать. На убийство, братоубийство, идут «революционные массы», черные толпы в красном зареве. «Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе... Бросались друг на друга, кололи и резались, кусали и ели друг друга» (Сон Раскольникова). – «Все будут убивать друг друга» (вавилонская клинопись).

Все тела сплелись, как в свальном грехе, в одно страшное тело – *Оно*.

Побежало тесно, тучно,
Многоликое Оно.
Упоительно – и скучно,
Хорошо – и все равно...
Жадны звонкие копыта,
Шумно, дико и темно;
Там веселье с кровью слито,
Тело в тело вплетено.

И все – одна плоть, одна кровь. Так опрокинуто в дьявольском зеркале таинство Плоти и Крови.

XXVIII

Русский коммунизм с антропофагией ничего не значат для всемирного «прогресса» и всемирной «цивилизации»? Нет, кое-что значат.

Не захотели есть Плоть Его, пить Кровь Его, и будут есть свою собственную плоть, пить свою собственную кровь. В Интернационале, новой «церкви вселенской», новое таинство – Антропофагия.

XXIX

Да, может быть, все человечество окажется «неудачно отлитою, без ушка, оловянную пуговицей», и скоро придет за ним Пуговичник с плавильною ложкою. Может быть. Но даже если только в тайниках подземных кто-то будет шептать: «Да приидет царствие Твое!», то и тогда еще надежда не будет потеряна.

Мир никогда еще так не погибал, как сейчас; но, может быть, никогда еще и не был так близок к спасению. Он весь – под знаком атеизма. Это мертвая вода, а мир жаждет живой. «Как жаждущему снится, будто он пьет; но пробуждается, и вот, он томится, и душа его жаждет, так будет и множеству всех народов» (Ис. XXIX, 8).

Можно ли судить по силе жажды о близости воды? В религии можно. Никогда еще человечество не жаждало так, как сейчас. Припало ухом к земле и слушает, не зажурчат ли воды. Еще не там, где надо, слушает, но, может быть, уже близко воды журчат.

XXX

Три Парки свивают три нити судеб человеческих – Личность, Пол и Общество. В одном узле три нити вместе связаны и только вместе развяжутся.

Три Старца где-то все еще молятся: «Трое Вас, трое нас – помилуй нас!»

Три на небе, три на земле: это и значит: земля спасется небесною тайною Трех.

Письмо в бутылке

I

Лет двадцать назад, накануне первой русской революции, я поставил вопрос о тайне Трех. Вот что мне ответил тогда великий религиозный мыслитель нашего времени, покойный Василий Васильевич Розанов.

«В круге Иисусо-теизма вопрос Мережковского не находит никакого ответа, или получает ответ резко отрицательный. Но в круге Три-Ипостасного исповедания Церкви вопрос находит полное и удовлетворительное разрешение».

И далее, в самом ответе, вопрос углубляется. «Церковь, в отношении к Отцу, ничего не сделала... Она, правда, говорит: „Творец мира“, „Промыслитель“, но это отвлеченные предикаты... В согласии ли дети Божии – Мир-Дитя и Иисус-Дитя?» Нет, не в согласии, отвечает Розанов: «Евангелие вообще не раздвигается для мира, не принимает его в себя. Мир за переплетом небесной книги... Вопрос Мережковского мы разрешить не можем, и только можем подготовить условия к его разрешению» (*В. Розанов. Темный лик, 261–262*).

Но как подготовить и где? В христианстве или вне христианства, с ним или против него? Розанов не отвечает на этот вопрос, может быть, потому, что ответ для него слишком страшен. Ведь если, в самом деле, мир – откровение Отца – не вмещается в Евангелие – откровение Сына, то не значит ли это, что в самом Боге есть два начала несоединимых? Но зачем же тогда говорить о «Три-Ипостасном исповедании» – о соединении двух начал в третьем – Отца и Сына в Духе?

II

Существует закон откровений троичных, по которому каждое предыдущее исполняется в последующем: откровение Отца – в Сыне, Сына – в Духе, Духа – в Троице.

Мир древний – между Отцом и Сыном, новый – между Сыном и Духом. И ныне происходит такое же, как тогда, передвижение Эонов во всемирной истории, неземных Вечностей в веках земных; и ныне мир томится томлением смертным, задыхается в смертном удушии, как бы в щели между двумя Эонами – Сына и Духа. Эти два жернова мелют нас, как зерно, да будет пшеница Господня.

III

Тайна Трех не откроется людям без откровения Божьего. Но Божье откровение есть и открытие души человеческой. «Как летний дождь сойду на них, как роса – на скошенный луг, говорит Господь». Откровение Божие сходит с неба на землю вечными росами. А если и под ними душа остается пустою, то потому что опрокинута, как чаша, вверх дном. Надо перевернуть душу. Вот настоящий переворот, «всемирная революция», уже не во имя «Интернационала», а во имя Христа.

IV

Царствие Божие кажется нам таким далеким, что ныне уже и верующие повторяют почти мертвыми устами: да придет царствие Твое. А разве социализм – царство человеческое, близко? Сейчас многим кажется, что до него рукой подать. Но беда в том, что нас

отделяет от него узенькая речка крови; одно имя ее: Всемирная Революция, а другое, судя по русскому опыту: Антропофагия.

V

Нет, дело вовсе не в дальности или близости, а в верности пути. Если наш путь неверен, и мы заблудились окончательно, бредем впотьмах, ошупью, то каждый шаг может привести нас к пропасти.

Только что Европа едва не погибла в первой всемирной войне, и вот уже готова начать вторую. Ничего не изменилось после войны, или изменилось к худшему. Никогда еще не правили миром такие ничтожные мерзавцы, как сейчас. Я говорю не только о русских правителях.

Да, царство Божие далеко; не скоро лев ляжет рядом с ягненком; но каждый сделанный шаг приближает нас к этому или удаляет от этого. Надо же знать, наконец, куда мы идем. Как же не остановиться, не оглянуться назад?

VI

Эта книга есть взор, обращенный назад, далеко назад, до начала времен, потому что там начался тот всемирно-исторический путь, с которого мы так внезапно свернули в сторону.

Назад, к незапамятной древности, обращен не только мой взор, но и воля моя. Что это, «реакция»? Так скажут многие. Пусть. Кто, кроме русских и всемирных мерзавцев, знает сейчас, где «реакция» и где «революция»?

VII

«Тогда силы небесные поколеблются». Силы земные уже поколебались: все падает, рушится, земля уходит из-под ног.

Вот от чего я бегу в древность. Там твердыни вечные; чем древнее, тем незыблемей: римское железо, эллинские мраморы, вавилонские кирпичи, египетские граниты зиждутся на одном-единственном, в основании мира заложенном Камне. «Камень, который отвергли строители, делается главою угла».

VIII

Эта книга – путевой дневник. Я побывал в далеких странах, прошел непроходимые пустыни, где спят очарованным сном святые развалины, обломки святых чудес.

«Я поцеловал землю Египта, в первый раз вступив на нее, столь желанную» (*Champollion le Jeune. Lettres d’Egypte, 1833*). О, если бы и мне поцеловать ее, я заплакал бы от радости, как изгнанник, вернувшийся на родину!

IX

Запад – чужбина, Восток – родина. Солнце зашло на Западе, и наступила ночь. «Сторож! сколько ночи? сторож! сколько ночи? Сторож отвечает: приближается утро, но еще ночь» (Ис. XXI, 11–12). Еще темен Запад – и не просветлеет, пока не увидит Свет с Востока.

X

Странная книга, почти невозможная, потому что написанная с точки зрения почти невозможной.

Не иметь земли своей почти то же, что не иметь своего тела. Я пишу по-русски, а России нет. Странно, почти невозможно, писать на языке страны, которой нет.

XI

А может быть, в этом и мое преимущество. Я умер заживо и вижу то, чего не видят живые.

Стою над пропастью, куда провалилась Россия, тысяча лет русской истории. России нет – и нет для меня ничего. Умом я знаю, что есть, но сердцем чувствую, что нет ничего. У самых ног моих – пустота, провал, а за ним – страшная даль, до края небес, до начала и конца времен, до «Атлантиды» и «Апокалипсиса». Там, внизу, на дне провала, копошится муравейник нынешний, но уже ничто не заслоняет от меня седых исполинов древности, снеговых вершин человечества.

О, вы, имеющие землю свою, тело свое, не завидуйте этой страшной русской всемирности! Достоевский воспевал ее. Но знал ли он, знаем ли мы, что это, гибель или спасение?

Седые исполины древности, народы Востока, за что я вас так любил? Не за то ли, что моя Россия с вами умерла и с вами воскреснет?

XII

Россия – лицо Востока, обращенное к Западу. Лицо ее окровавлено, оплевано, попрано стопами Запада. Недвижно, как мертвое; очи закрыты, и уже многие радуются, что ворон выклевал их.

А что, если откроются и заглянут в очи Запада? Каким взором обменяются они, какою молнией? Не это ли решит судьбы Востока и Запада?

XIII

Спасем ли мы себя или погубим нашу всемирностью, мы еще не знаем, но уже твердо знаем, что погубим или спасем не только себя.

В конце прошлого века, на юге России, в Днепровских плавнях, целая община страшных русских сектантов буквально закопалась в землю, погреблась заживо, в невероятном ожидании наступающего конца мира и Второго Пришествия. Вот что говорит об этом Розанов: «Эта смерть есть, может быть, самое ужасное, и самое значительное событие XIX века, куда важнее наполеоновских войн!.. Такой народ, со способностью такого восприятия, такого слышания, – если этот святой народ услышит настоящее живоносное слово, повернет около себя весь мир, как около солнца вертится земля» (*Розанов*. Темный лик, 136).

Что это, мания величия, гордыня отчаяния? Но вот уже не маленькая община безумных сектантов, а целый народ, сто пятьдесят миллионов людей закопались в землю, погреблись заживо, в невероятном ожидании какого-то «Второго Пришествия». Этому здесь, в Европе, еще никто не верит, этого никто еще не знает, или не хочет знать. Но это уже, в самом деле, такое событие всемирной истории, что около него может повернуться весь мир, как земля вертится около солнца. А какое оно, это солнце, черное или белое, это уже другой вопрос.

XIV

Много лет назад протоиерей о. Устинский, один из самых вещей и мудрых людей, каких я встречал в моей жизни, подарил мне православный русский образ Пресвятой Троицы. Я долго хранил его; не знаю, цел ли он сейчас на моей разоренной петербургской квартире, и жив ли сам о. Устинский. Если жив, то пусть эти строки дойдут до него и скажут ему, что я вечно храню в сердце моем чудесный дар его, образ Пресвятой Троицы.

XV

Помню, в раннем детстве, из окон старого петровского дома Баурова, на углу Невы и Фонтанки, у Летнего сада, я любил смотреть на ту сторону Невы, где стоит ветхая деревянная церковка, собор Пресвятой Троицы, заложенный Петром Великим при основании Петербурга.

О. Устинский часто говаривал мне, что Петр знал, или Кто-то знал за него, что он делает, закладывая этот собор.

«Без Троицы дом не строится», – говорит русский народ, и, может быть, за одно это слово можно простить ему все, что он сделал с собой и с Россией, а ведь это простить не так-то легко.

Да, наш русский и всемирный дом построятся не без Троицы.

XVI

Я знаю, что и здесь, на темном Западе, последние христиане в подземных тайниках, в новых катакомбах, все еще молятся: да придет царствие Твое! Может быть, и здесь меня поймут, если я скажу, отчасти как живой европеец, отчасти как русский, умерший заживо, что сейчас русская православная Церковь выше всех церквей и ближе всех к будущей Церкви Вселенской. Только что умер, как великий мученик первых веков христианства, петербургский митрополит Вениамин. И по всей России льется сейчас кровь мучеников так, как с первых веков не лилась, а ведь только на этой крови и созиждется Вселенская Церковь.

Прав о. Устинский: Петр знал, или Кто-то знал за него, что он делает, закладывая при основании Петербурга и всей новой России собор Пресвятой Троицы.

XVII

Вот почему, кидая книгу мою – письмо в бутылке – с тонущего корабля в море, я осеняю себя православным – и уже вселенским – крестным знаменем.

Эту книгу, начатую здесь, на чужбине, дай мне, Господи, кончить на родине! Возврати мне землю мою, тело мое! Оживи меня, мертвого!

XVIII

Слава Божественному Трилистнику! Слава Отцу, Сыну и Духу! Слава Пресвятой Троице!

Египет – Озирис

Бегство в Египет

I

«Се, Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его, и беги в Египет».

Христианство началось бегством в Египет, и, если христианство не кончено, снова родится Христос в сердцах человеческих, Он снова бежит в Египет.

II

На рубеже Египта, как вечные вехи, возвестительницы тайны его, стоят пирамиды и Сфинкс.

Пирамида, *pyramis*, по-египетски *pir-m-us*, значит «исхождение из земли», «восстание мертвых», «воскресение». И заглавие Книги Мертвых – книги египетской по преимуществу – *Pir-m-haru*, «Исхождение в свет» – из мрака смерти в свет Воскресения.

III

А египетское имя Сфинкса – *Hor-Harmakhitu*, «Бог солнца восходящего», или *Shepra*, «становление» (*Werden*), «исхождение из небытия в бытие», «Воскресение».

Вот почему на краю пустыни, царства смерти, Сфинкс подымает голову, чтобы первому увидеть воскресное солнце.

IV

Когда Матерь с Младенцем бежала в Египет, то, утружденная дневным путем, не отдыхала ли под сенью пирамид, у подножия Сфинкса? Не чернели ли над Ними, над Младенцем и Матерью, в звездном небе треугольники вечных гробниц? Не улыбался ли Им каменный лик Бога-Зверя?

V

Incipe, parve Puer, risu cognoscere Matrem!

«Мать Свою начни узнавать с первой улыбкой, Младенец!» – вот мессианское пророчество Вергилия.

Улыбка Младенца – улыбка Сфинкса: тайна обоих одна. Только и ждал Его весь Египет, только и думал о Нем, о Боге, пришедшем на землю, чтоб умереть и воскреснуть.

VI

Каждый народ велик тем, что находит. Что нашел Египет? Бога.

«Египтяне – благочестивейшие люди», – свидетельствует Геродот.

«Почти весь мир научили они поклоняться богам, и мы знаем, что боги обитали и доныне обитают в Египте», – говорит один язычник-эллинист IV века по Р. Х. «Наша земля – всего мира святилище», – говорит Гермес Трисмегист.

«Святой Египет» – родина Бога, Божья земля. «Столпы религии сложены были в Египте: это выше, вечнее пирамид» (**В. Розанов**).

Здесь, в религии, первая противоположность наша Египту. Он Бога нашел, мы – потеряли; он сложил столпы религии, мы – разрушили; благочестивейший – он, нечестивейшие – мы.

VII

Если нет Бога, то нет и Египта, и как бы вовсе не было; а если Бог есть, и Бог – все, то есть Египет, и он доныне во всем. В первом случае «самые мудрые из людей» (по Геродоту), египтяне, – сумасшедшие; а во втором сумасшедшие – мы. Но в обоих случаях Египет и мы уничтожаем друг друга и мимо друг друга не можем пройти равнодушно: мы должны возненавидеть или возлюбить Египет, от него или к нему бежать.

VIII

Накануне нашего великого безбожия в Божью землю вошел величайший из нас: первый вошел в Египет Наполеон, и первый понял, что «сорок веков смотрят на нас с высоты пирамид». Больше, чем сорок, – все века от начала мира. Начало мира смотрит на его конец.

IX

«Египта никто не видел, и ты вошел в него первым», – говорит В. Розанов, глубочайший религиозный мыслитель нашего времени, тот, кто написал «Апокалипсис наших дней».

Апокалипсис – конец мира, а начало – Египет. Чем ближе к концу, тем ближе к началу.

В Египте будь... Иди туда за Мной, —

услышал таинственный зов русский пророк, написавший «Повесть о конце мира», Вл. Соловьев («Три свидания»). И пророк европейский, Генрих Ибсен, предсказавший «Третье Царство Духа» в конце времен («Кесарь и Галилеянин»), услышал тот же зов.

Я буду ждать тебя, как обещала, —

поэт Сольвейг в избушке, на севере («Пэр Гюнт»). И после этого: «В Египте. На утренней заре. Полузасыпанный песками колосс Мемнона».

Пэр Гюнт: «Вот здесь мой путь начать мне будет кстати!»

Здесь, в Египте, начинается путь к Третьему Царству в конце времен.

X

Апокалипсис предсказывает «тысячелетнее царство святых» на земле, царство мира, конец всех войн в конце времен, а в начале их, в Египте, уже дан прообраз этого царства.

От III династии до IV (3300–2400 гг. до Р. Х.), в продолжение тысячи лет, мир в Египте не нарушается ничем, кроме немногих походов на полудиких кочевников Синайского полуострова.

Если даже столетие римского мира, рах гомана, кажется нам чудом неповторяемым, счастьем единственным за память человечества, то какое же чудо тысячелетний мир Египта!

XI

В одной египетской надгробной стенописи изображена спелая жатва и жнецы с серпами, а рядом надпись: «Вот жатва. Трудящийся кроток».

XII

Избыток сил, расточаемых другими народами на войны, здесь, в Египте, уходит на мирный труд. И если египтяне «сотворили больше чудес, чем все прочие люди» (*Геродот*), то все эти чудеса – непревзойденное ваение, живопись, зодчество, мудрость, и легкость, и крепость жизни – суть чудеса мира. Только под этим безоблачным солнцем мог созреть Египет, плод земли небесно-сладостный.

XIII

«Кротко было сердце мое и незлобиво, и боги за то даровали мне счастье на земле», – говорит один умерший в надгробной надписи, и это мог бы сказать о себе весь Египет.

XIV

Первый фараон первой династии, Менес (4000–3500 лет до Р. Х.), изменил течение Нила в Верхнем Египте исполинскою плотиною. Она существует донныне (Qosheisch) и донныне распределяет воды Нила, благодетельствуя край. Так, через шесть тысяч лет, люди чувствуют благодать Менеса. Имя его забыто, а имена Александров и Цезарей памятливы; но что больше – гремящие славы их, или тихая слава Менеса?

XV

Я умножил пшеницу, возлюбил бога ячменного,
Не было при мне ни голодных, ни жаждущих,
Люди жили в мире и в милости, —

вот чем славит себя фараон Аменемхет I (XII династии) и тем же – Рамзес III (XIX): «Я заставил во дни мои пехоту и конницу мирно сидеть по домам; и мечи, и луки в кладовых моих лежали, праздные».

А вот слава Амена, древнего областеначальника: «Ни один ребенок не был обижен при мне».

Слава эта заглохнет в веках: не поймут ее ни Ахиллес, ни даже «кроткий» царь Давид. Солнце мира закатится в Египте и уже не взойдет до конца времен.

XVI

В самый канун нашествия страшных азиатских кочевников (Гиксов) фараон Аменемхет III ни о каких войнах не думает и воздвигает дивные здания, орошает пустыни каналами. Гиксы пришли, завоевали и поработили Египет на пять веков.

Чтобы освободиться от варваров, Египет принужден начать войну. Но когда после изгнания Гиксов великий завоеватель Тутмес III соединяет в длани царя весь мир, от Голубого Нила до Евфрата (надпись в Карнаке), то эта миродержавная власть Египта остается непрочной. Кажется, сами победители не очень дорожат своими победами: иногда теряют в один год завоевания веков.

И при первой возможности Египет забывает о войне, как будто воюет нехотя, презирая втайне войну и питая отвращение к железу, «металлу Сэтову»: Сэт, бог войны, – полудиавол.

XVII

История учит Египет войне и все не может научить. После воинственных Тутмесов – Аменофисы мирные, после Рамзеса II, египетского Цезаря, – Рамзес III, тот самый, который хвалится праздностью луков и мечей.

И новые полчища варваров заливают мирный край: ливийцы, ассирийцы, персы, эфиопляне, эллины, римляне – все терзают святое тело Озирисово. Но Египет до конца верен себе: знает, что лучше войны мир. «Мир лучше войны» – это самое египетское и самое мудрое из всех изречений египетской мудрости.

Вот где вторая противоположность наша Египту: мы безбожны и воинственны, он боголюбив и мирен.

XVIII

И, наконец, третья. Мы живем, движемся в бесконечных пространствах, но век наш короток. Пространство Египта ничтожно – клочок земли, как бы точка, но движущаяся по бесконечной линии времени. Мы – пожиратели пространства, Египет – пожиратель времени. Насколько время глубже, таинственнее пространства, настолько дух Египта – глубже нашего.

XIX

Египет – «дар Нила» (по Геродоту), узкая полоска необычайно плодородной земли, речного ила, стесненная двумя пустынями с востока и запада. Береговая линия Дельты, лишенная гаваней, на севере, и Нильские пороги на юге – ограждают Египет, как стенами. Эта огражденность, стесненность, суженность, сосредоточенность земли отразилась такими же свойствами на человеческом духе. Единственная в мире земля создала единственных в мире людей.

XX

Глубокая долина – солнечный угрев, уют – колыбель человечества. «Спуститься» – значит по-египетски «вернуться на родину»: спуститься в долину Нила – лечь в колыбель.

XXI

Весь мир для египтян – «черная и красная земля» – чернозем и песок пустыни. «Черная земля» – Quêmet – название самого Египта. Чернота нильского ила, влажно-блестящая, как живой «Изидин зрачок», и краснота мертвых песков: жизнь и смерть рядом, но не в борениях и бурях внезапных, а в вечном союзе, в вечной тишине.

XXII

Круговорот земных явлений так же неизменно правилен, как круговорот светил небесных.

Из года в год, в один и тот же день, воды Нила начинают расти, постепенно выходят из берегов своих, наводняют поля, сожженные летнею засухой, рождают из смерти жизнь; и в один и тот же день начинают падать, постепенно входят в берега, до нового разлива в новом году. Эти подъемы и падения так ровны и тихи, как дыхание спящего ребенка.

На человеческом духе запечатлелась и эта неизменная правильность, тихость и вечность природы.

XXIII

«Не вечное не истинно», – говорит Гермес Трисмегист. Вечность Египта – вечность истины.

XXIV

Всякая юность на земле ветшает, увядает. Только Египет, «ветхий деньми», цветет вечною юностью.

XXV

Священные египетские книги времен эллино-римских повторяют с точностью пирамидные надписи, бесконечно-древнейшие самих пирамид: это похоже на то, как если бы мы повторяли слова даже не Авраама, а допотопных людей.

И не только священные книги, обряды, верования, но и мелочи быта, выражение лица, движения тела, звуки голоса остаются почти неизменными.

XXVI

По Геродоту, «плачевная песнь Манероса», надгробный плач Изида над Озирисом, воспевается при XXVII династии точно так же как при первой: ни один звук не изменился за три тысячи лет.

В священных изображениях бог Амон поднял правую руку с бичом, младенец Гор поднес палец ко рту, наподобие грудных сосущих детей, – и оба замерли так на тысячи лет, неподвижные.

Но эта неподвижность – не мертвого тела в гробу, а живого семени в земле, или младенца в утробе матери; неподвижность, тихость лучезарного полдня: совершенная жизнь в совершенной тишине; вечная жизнь в вечной тишине.

XXVII

«– Вы стали верить в будущую вечную жизнь?»

– Нет, не в будущую вечную, а в здешнюю вечную. Есть минуты, вы доходите до минут, и время вдруг останавливается и будет вечно.

– Вы надеетесь дойти до такой минуты?

– Да.

– Это вряд ли в наше время возможно. В Апокалипсисе ангел клянется, что времени больше не будет.

– Знаю. Это очень там верно, отчетливо и точно. Когда весь человек счастья достигнет, то времени больше не будет, потому что не надо. Очень верная мысль.

– Куда же его спрячут?

– Никуда не спрячут. Время не предмет, а идея. Погаснет в уме» (Разговор Ставрогина и Кириллова в «Бесах» Достоевского).

XXVIII

Вон там, за этим песчаным холмом Хенунзутена-Гераклеополиса, на этой Нильской заводи, из открывающейся чаши голубого лотоса, выходит каждое утро, как в первый день творения, новорожденный младенец, бог солнца, Ра (Ra). И тогда «человек счастлив весь», и «времени больше не надо, время останавливается», и наступает неподвижный миг вечности – «здешняя вечная жизнь».

XXIX

«Первое и главное впечатление наше от всего египетского – неимоверное молчание» (*Spengler*). Высшее развитие математики в зодчестве, в проведении каналов, в исчислениях астрономических – и ни одной математической книги; законодательство, которое служит образцом для Римской империи (недаром мечтает Цезарь сделать Александрию столицей мира), – и ни одного законодательного кодекса; бездонная мудрость – и никакой философии.

Здесь опять наша противоположность Египту. Во всем египетском отсутствует наша теория, потому что отсутствует наша механика. Все живо, животное, растительно; но растет, живет, дышит – молча.

Наши пустые бочки катятся с грохотом, а египетские «воды жизни» безмолвно текут. Наш дом валится с треском, а египетская жатва тихо зреет. Мы, болтая, разрушаем, а Египет молча творит.

Вот откуда это «молчание неимоверное», бессловесность, безглагольность Египта.

Безглагольна, недвижна
Мертвая страна.

Нет, живая. Чем живее, тем безглагольное.

XXX

Из молитвы Тоту, богу мудрости: «Ты родник в пустыне; ты запечатлен для говорящего, открыт для безмолвного». Из песнопения богу солнца, Амону-Ра: «Шум ненавистен Богу. Люди, молитесь втайне!» Так, в ожидании грядущего Слова, безмолвен Египет.

XXXI

Египтяне живут во времени; но полет его над ними так неслышен, что они его почти не чувствуют: во времени живут, как в вечности.

Вот почему нет у них «истории» в нашем смысле. Самое чувство времени еще не развито, слабо, смутно, как бы притуплено, по сравнению с нашим, столь острым и все заостряющимся к тому последнему острию, когда «времени больше не будет».

XXXII

Египтяне – как бы еще не совсем родившиеся – «недородившиеся» люди. Души их не совсем воплотились, не окончательно выпали в этот мир из того, во время из вечности.

XXXIII

Наш исторический лот, опускаясь в глубину египетской древности, не нащупывает дна. Есть ли вообще дно у этой бездны?

XXXIV

По новейшим исследованиям (*Морган, Масперо*), пирамидный Египет – не начало, а конец и, может быть, упадок Египта древнейшего, допирамидного. Первое явление Египта в истории уже совершенно, и отчасти даже превосходит все явления позднейшие. Развитие Египта доисторическое, по крайней мере, столь же длительно, как четыре тысячи лет египетской истории.

Если так, то не слишком ошибался Платон, уверяя, что египетская живопись и ваяние существовали за 10000 лет до эллинов.

XXXV

У диких туземцев каменного века в Нильской долине не найдено никакого намека на связь их с древнейшим Египтом (*Морган*). Между Египтом пирамидным и каменным веком – *прерыв*.

XXXVI

Явление Египта внезапно: когда появляется он на горизонте истории, круг его закончен, подобно кругу восходящего светила: за чертой горизонта он тот же, что на небе.

XXXVII

Внезапность Египта колеблет все наши понятия о непрерывном и постепенном развитии, так называемой «эволюции» человечества. По этим понятиям, мрак позади, впереди – свет, и человечество движется от мрака ко свету; но вот, движение Египта обратное: от какого-то великого света; и чем дальше назад, тем ярче свет, как будто самый источник его позади. Какой же это свет? Откуда? Что там, на дне непостижимой для нас, головокружительно-бездонной древности?

XXXVIII

Наш лот никогда не нащупает дна; никогда не узнаем мы *принудительно*, – из обезьяньих ли лап вышел человек, или из Божьих рук? Но чем древнее, тем яснее на нем Божий след. След рая – на лицах египтян.

XXXIX

«Вы, эллины, – вечные дети! Нет старца в Элладе. Нет у вас никаких преданий, никакой памяти о седой старине», – говорил Солону Афинянину старый саисский жрец («Тимей» *Платона*). Это беспамятство нового человечества объясняет он всемирными потопами и пожарами, многократно истреблявшими род человеческий; только в Египте их не было, и только здесь сохранилась память о допотопной и доогненной древности.

«Был некогда Остров против того пролива, который вы называете Столпы Геркулесовы: земля, по размерам большая, чем Ливия и Малая Азия, вместе взятые. Этот Остров – *Атлантида*», – сообщает тот же саисский жрец одно из древнейших сказаний Египта. Атланты, жители Острова, были «сынами Божиими» («Критий» *Платона*).

«В те дни были на земле исполины, особенно с того времени, как сыны Божии (Benê Elohim) стали входить к дочерям человеческим и они стали рождать им. Это сильные, издревле славные люди», – как бы вторит Бытие Египту (IV, 4).

«Когда же божеская природа людей постепенно истощилась, смешиваясь с природой человеческой и, наконец, человеческая совершенно возобладавала над божеской, то люди развратились», – продолжает египетский жрец у Платона. – «Мудрые видели, что люди сделались злыми, а не мудрым казалось, что они достигли вершины добродетели и счастья, в то время, как обуяла их безумная жадность к богатствам и могуществу... Тогда Зевс решил наказать развращенное племя людей» («Критий»).

«И увидел Господь Бог, что велико развращение человеков на земле... и воскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков», – опять вторит Бытие Египту (VI, 5–7).

Конец обоих преданий один. Египетский бог Атум говорит: «Я разрушу, что создал: потоплю землю, и земля снова будет водою». – «Воды потопа пришли на землю... и лишилась жизни всякая плоть» (Быт. VI, 10–21). – «Произошли великие землетрясения, потопа, и в один день, в одну ночь... остров Атлантида исчез в пучине морской» («Тимей»).

XL

«Атланты распространили владычество свое до пределов Египта», – сообщает Платон («Критий»). А по Геродоту (II, 181): «Был путь из Фив к Столпам Геркулесовым» – к Атлантиде.

Так в этом древнейшем сказании, может быть, первом лепете человечества, начало нашего мира связано с концом каких-то иных миров. И связь между концом и началом – Египет.

XLI

Если в сказании об Атлантиде нет никакого зерна внешней исторической истины, то зерно истины религиозной, внутренней, в нем все-таки есть: языческая эсхатология начала мира, столь противоположно-подобная христианской эсхатологии конца – Апокалипсису.

XLII

Свет Атлантиды, вот что на дне головокружительно-бездонной Египетской древности – вечности.

XLIII

Что такое Атлантида? Предание или пророчество? Была ли она или будет?

Атланты – «сыны Божии», или, как мы теперь сказали бы, «человекобоги». «Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости – и явится Человекобог» (Иван Карамазов у Достоевского). О ком это сказано? О них или о нас? Не такие же ли и мы – обреченные, обуянные безумною гордыней и жаждою могущества, сыны Божии, на Бога восставшие? И не ждет ли нас тот же конец?

XLIV

Так, медленно склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему.

К началу и концу, ибо конец времен совпадает с началом в замыкающемся круге вечности.

XLV

Вот почему: «Египта никто не видел, и ты вошел в него первым». Первым из нас вошел в Египет тот, кто ближе всех к Апокалипсису.

XLVI

И вот почему так двойственно впечатление наше от Египта: бесконечная древность – новизна бесконечная.

XLVII

Мемфис и Гелиополь ближе к будущему, «апокалипсичнее» всех наших современных городов. Каменные иглы обелисков на площадях Константинополя, Рима, Парижа и Лондона – вечные вехи на пути человечества от Атлантиды к Апокалипсису.

XLVIII

Когда в самые черные дни большевистского ужаса, в декабре 1918 года, в нетопленных залах петербургской публичной библиотеки, где замерзали чернила в чернильницах, я просматривал египетские рисунки в огромных томах Бонапартовой Экспедиции, Шамполлиона и Лепсиуса, я ничего не понял бы в них, если бы тут же, рядом со мной, не совершался «Апокалипсис наших дней».

XLIX

Помню, в детстве, под зелено-прозрачным небом морозного дня, над мгlistо-белую далью Невы, опушенные тонким инеем, розово-гранитные лики Сфинксов. С какою жадностью я вглядывался в них! Как хотелось мне знать, что они думают!

И теперь хочется знать, что думают они о том, что сейчас вокруг них происходит. Не прозревают ли каменные очи их дальше всех живых очей в тайну грядущего?

L

Конец Атлантиды, начало Египта – конец первого мира, начало второго; Апокалипсис – конец второго мира, начало третьего, ибо в трех мирах тайна Трех совершается.

LI

Египет – единственный путь к Тайне Трех, это мы поняли. Вот что значит бегство наше в Египет.

Небесная радость земли

I

«Бывают с вами, Шатов, минуты вечной гармонии?.. Есть секунды, их всего зараз приходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой. Это не земное, я не про то, что оно небесное, а про то, что человек в земном виде не может перенести. Надо перемениться физически или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Как будто вдруг ощущаете всю природу и вдруг говорите: да, это правда. Бог, когда мир создавал, то в конце каждого дня создания говорил: „Да, это правда, это хорошо“. Это... это не умиление, а только так, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то что любите, – о, тут выше любви! Всего страшнее, что так ужасно ясно, и такая радость. Если более пяти секунд, то душа не выдержит и должна исчезнуть. В пять секунд я проживаю жизнь и за них отдал бы жизнь, потому что стоит. Чтобы выдержать десять секунд, надо перемениться физически» (Кириллов, в «Бесах» Достоевского).

Ни Кириллов, ни сам Достоевский не подозревают, конечно, что здесь прикасаются к сокровеннейшей тайне Египта.

«Бесноватый» Кириллов находится в средоточии того вертящегося смерча, из которого выйдет русская и, может быть, всемирная революция «Апокалипсис наших дней», «конец мира». Только через этот конец мы постигаем начало мира, через эту бурю «бесов» – божественную тишь Египта.

II

В суточном богослужении, совершаемом в каждом египетском храме и разделенном, подобно нашим церковным службам, на «часы», в первый час ночи, жрец, читающий молитвы над мертвыми, кропит «живой водой из Нуна, небесного Нила, Океана первичного», тело умершего бога, Озирисову мумию, возжигает фимиам, кадит и произносит четырежды:

«Небо с землей соединяется!»

Великая плакальщица (четырежды). На земле радость небесная.

Жрец. Бог грядет. Славьте!

Великая плакальщица (ударя в тимпан). На земле радость небесная!

В этих словах – весь Египет, потому что он весь небесная радость земли, «минута вечной гармонии».

III

«Чтобы вынести больше, чем пять секунд этой радости, надо перемениться физически». По сравнению с Египтом мы физически переменялись, но в обратном смысле: мы выносим эту радость пять секунд, а Египет – пять тысячелетий; мы покупаем ее страшной ценою – неимоверным усилием, безумием, самоистязанием, подвигом, святостью, или, подобно Кириллову, «бесноватостью», а Египет получил ее даром, пришел с нею в мир.

IV

Гомер тоже радуется жизни земной, но как скорбна радость его, как смертна, по сравнению с египетской, больше, чем бессмертною, воскресною!

Ρεία ζῶντες

, «легко живущие» боги Гомера как тяжести, по сравнению с египетскою легкостью! Те боги только бессмертны, а эти люди побеждают смерть – воскресают.

V

Траурный цвет египтян голубой: цвет смерти – цвет неба.

VI

Надо взглянуть в надгробную живопись и ваение в Саккара, Бэни-Гассане, Бибан-эль-Молуке, Тэль-эль-Амарне, чтобы не понять – понять мы не можем, – а только увидеть и измерить мерою скорби нашей эту воскресную, небесную радость земли.

VII

«Да будет гробница моя чертогом пиршественным», – говорит умерший в надгробной надписи. И, действительно, он изображается как бы в вечном пиршестве, точно таким, как был при жизни, но в счастливейшей поре ее: увенчанный цветами, умащенный благовониями, восседает он за жертвенной трапезой, обнимает жену свою, смотрит с любовью на детей своих, играющих.

Или в жаркий полдень, сидя в креслах с босыми ногами на коврике, удит рыбу в садовой сажалке, с водяными цветами и травами, под тенью густых сикомор, где «сладостно дыхание северного ветра ноздрям его».

Или охотится в легком челноке, в папирусных чашах нильских заводей, где тучами носятся стаи диких уток, гусей, цапель, ибисов и на согнутых ветром, спутанных стеблях папируса зыблются птичьи гнезда с яйцами и хищный зверек, ихневмон, крадется к ним, а матка над гнездами порхает, стараясь отогнать хищника криком и хлопаньем крыльев.

VIII

Строго-величаво все в этом надгробном искусстве. Но есть и забавное, как в детских картинках.

Вот, в торжественном шествии перед царем-победителем, нубийские пленники ведут редких животных; обезьянка-шалунья вскочила на тонкую, длинную шею жирафа и взлезает по ней, как по стволу дерева; жираф удивлен, но не испуган; а толстогубый негртенок оглянулся на нее, смотрит тоже с удивлением; и кажется, всем троим весело.

Вот во время охоты на диких туров и львов маленький ежик с хитрой мордочкой, тоже охотник, спрятавшись за куст, спокойно лакомится пойманной ящерицей. Так же спокойно важная лягушка с круглыми глазами, сидя в глубокой чаше распустившегося лотоса, смотрит на веселую драку лодочников, старающихся веслами столкнуть друг друга в воду.

Вот стадо переходит реку вброд; пастух несет на плечах сосунка-теленочка, пегого, успокаивая голосом тревожно мычащую матку, а другому сосунку, белому, навесил на шею цветок голубого лотоса вместо колокольчика.

А вот маленький мальчик сосет вымя коровы, отняв его у теленка; тот жалобно мычит; корова обернула голову к нему и лижет его, утешает: не надо жалеть молока – обоим хватит.

IX

Так с человеком вся тварь земная участвует в этой воскресной, небесной радости земли: чем земнее, тем небеснее.

X

И все – родное, милое, как в детстве незапамятном. Смерть – возвращение на родину: всякий «умерший возвращается в ту землю, где боги были детьми; там и ты родился, там вырос и ты, и там же, здоров и невредим, состаришься».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.